

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 4 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ ІЮЛЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Дѣятельность «Свящ. Дружины» и программа «Добров. Охраны». — 2) Сыскная политика полковника Судейкина. — 3) Послѣдствія смѣщенія графа Игнатъева. — 4) Новый министръ юстиціи. — 5) Охлажденіе царя къ Воронцову-Дашкову. — 6) Предостереженіе дуумвирамъ. — 7) Ватиканъ, Мосоловъ и Убри. — 8) Еврейскій вопросъ на Украинѣ, I, М. Драгоманова. — 9) Путевскія хищенія (окончаше), Владимірова. — 10) Борьба партій и движеніе рабочихъ въ Австріи (Письма изъ Вѣны), I, В. Мае. 11) Капитализмъ въ Россіи, II, С. — 12) Два конгресса социалистовъ (продолженіе). — 13) Извѣстія и замѣтки: «Gaulois», Рошфоръ и Катковъ о Скобелевѣ; по поводу брошюры князя Орлова. — 14) Новости украинской литературы. — 15) Польская цензура и москвофильское безстыдство. — 16) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 15 іюля 1882 г.

Въ одномъ изъ предъидущихъ номеровъ мы упомянули о различіи между «Священною Дружиною» и «Добровольною Охраною». На дняхъ мы получили по этому предмету весьма обстоятельное сообщеніе. «Оба эти общества, нишутъ намъ, состоятъ изъ различнаго рода интригановъ, стремящихся къ власти путемъ полицейскаго добровольчества. Между ними существуетъ, однако, разница: «Дружина» просто-на-просто занимается стыскомъ; «Охрана» же претендуетъ на значеніе политической партіи, имѣющей свою особую программу». Не удивительно по этому, что, не смотря на общность пути и на состоявшееся въ началѣ нынѣшняго года соединеніе обоихъ обществъ, вожаки каждаго изъ нихъ и вліятельнѣйшіе изъ членовъ стараются каждый заблуждать впередъ въ милостяхъ самодержца и поднимаютъ между собою, хотя и скрытую, но тѣмъ не менѣе ожесточенную грызню изъ-за кости власти. Надежде графа Игнатъева находится въ тѣсной связи съ своего рода подпольной борьбой этихъ двухъ тайныхъ опричниковъ.

Дѣло въ томъ, что «Дружиною» предводительствуетъ Побѣдоносцевъ, а «Охраною» — гр. Воронцовъ-Дашковъ — оба люди приближенные къ царю и пользующіеся особымъ его довѣріемъ, а потому всякому министру и даже просто всякому сверчку, сядущему не на свой шестокъ, чтобы удержаться на захваченномъ мѣстѣ, или прицѣпиться къ государственному кормилу, предстоитъ прежде всего разрѣшить дилемму: къ кому пристать? Къ Побѣдоносцеву или къ Воронцову-Дашкову? Куда записаться: въ «Дружину» или «Охрану»? Разумѣется, существенной разницы въ убѣжденіяхъ (въ особенности же въ способахъ дѣйствія и въ конечныхъ цѣляхъ) обоихъ соперничающихъ сторонъ не представляется, — да и не въ убѣжденіяхъ дѣло для интригановъ и честолюбцевъ, изъ которыхъ сплошь состоятъ оба «охранительныя» сообщества; трудность состоитъ лишь въ выборѣ карты изъ одной и той же колоды и даже масти, трудность — предугадать, какая изъ картъ въ данную минуту будетъ дана и какаго бѣта. На азартныхъ игрокахъ находятъ иногда счастливыя наитія — и тогда они срываютъ банкъ, въ противномъ же случаѣ проигрываются въ пухъ, и никому изъ участниковъ въ игрѣ не придетъ даже въ голову спросить: за что или почему?

Съ гр. Игнатъевымъ случилось то же, что и со многими другими игроками въ государственный штось. По наитію онъ выбралъ карту политическаго statu quo въ началѣ своей министерской карьеры и также по наитію сошелъ съ этой карты или, можетъ быть, просто обдернулся на одно какое нибудь очко, зазѣвавшись на московскую сирену «единенія царя съ народомъ». Нашъ корреспондентъ пишетъ, что графу Игнатъеву почудилось сочувствіе царя программѣ «Добровольной Охраны», потому, вѣроятно, что, еще будучи

наслѣдникомъ, нынѣшній царь, говорятъ, вполне раздѣлялъ основанія этой программы. Программа же «Добровольной Охраны» — ничто иное, какъ извлеченіе изъ извѣстныхъ «Писемъ» Фадѣева «о современномъ положеніи Россіи», изданныхъ въ прошломъ году за границу и за тѣмъ перепечатанныхъ и распространенныхъ двумя изданіями въ Россіи, разумѣется, съ дозволенія начальства и даже на казенныя деньги. Теперь готовится четвертое изданіе, и въ припискѣ къ нему разработаны положенія, ставшія катихизисомъ «добровольцевъ». Положенія эти слѣдующія:

«1) Замѣна мѣстныхъ государственныхъ функций, хозяйственныхъ и политическихъ (за исключеніемъ высшаго суда и политической полиціи) дѣятельностью земства, избирающаго на мѣсто исправника особый исполнительный органъ». Стоитъ хлопотать!

«2) Признаніе за земствомъ права распоряжаться распредѣленіемъ, взысканіемъ и невступнымъ расходованіемъ всѣхъ прямыхъ податей и налоговъ, оставляя завѣдываніе и пользованіе косвенными налогами за государственнымъ казначействомъ*).

«3) Распредѣленіе прямыхъ налоговъ сообразно имущественной состоятельности каждаго.

«4) Избавленіе крестьянскихъ общинъ отъ уплаты выкупныхъ платежей за педогдную или заброшенную ими землю и надѣленіе землею дѣйствительно въ ней нуждающихся, при помощи: либо дешваго (3%) кредита, либо иныхъ способовъ полюбовнаго или обязательнаго отчужденія части государственныхъ или помѣщичьихъ земель.

«5) Земскій Соборъ, созданный, по

*) Ларчикъ открывается просто, если вспомнить, что косвенные налоги болѣе чѣмъ вдвое превышаютъ налоги прямые.

древнему обычаю, ко дню вѣнчанія на царство и долженствующій повергнуть на усмотрѣніе верховной власти мнѣніе земли объ устройствѣ всероссійскаго земства».

Первые четыре пункта не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій; что же касается до предлагаемаго 5-мъ пунктомъ земскаго собора, то, по проекту генерала Фадѣева, всероссійскому собору должны предшествовать мѣстные земскіе комитеты, «всеародные», т. е. назначенные «не отъ существующаго земства, а прямымъ выборомъ трехъ сословій: землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и торговыхъ людей» (безземельные ремесленники и работники мысли, слѣдовательно, исключаются), «съ значительнымъ участіемъ выборныхъ сельскаго населенія (никакъ не устраниая искусственными мѣрами такъ называемыхъ міроѣдовъ, которые потому и міроѣды, что смышленѣе*) другихъ, а въ политическомъ отношеніи совершенно благонадежны). Такъ какъ настоящая почва земства — въ уѣздѣ, губернія же есть дѣленіе административное, требующее постояннаго руководства со стороны власти, то и временныя совѣщательныя учрежденія для преобразованія земства должны преимущественно выражать мнѣнія уѣздовъ, находиться съ ними въ непрерывной связи въ продолженіе своихъ работъ. Правительство постановитъ рѣшеніе, когда трудъ земскихъ людей будетъ совершенъ; предварительному же обсужденію центральной власти (по мнѣнію автора) должны подлежать лишь два предмета: способъ образованія мѣстныхъ комитетовъ изъ сословныхъ выборныхъ и программа, устанавливающая кругъ ихъ дѣйствій». На этотъ конецъ предлагается дать «положительное указаніе предѣловъ, на которыхъ останавливается земская самостоятельность въ ея законченномъ видѣ». Для того же, «чтобы направлять(?) работу комитетовъ въ предѣлахъ правительственной программы, и для того, чтобы свести ее наконецъ въ одно цѣлое, созвавъ опять для того главныхъ(?) мѣстныхъ дѣятелей — по уже новаго земства — необходимо центральное учрежденіе, въ родѣ дѣйствовавшего

*) Отмѣчаемъ своеобразное міросозерцаніе московскихъ пародниковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и г-ль Фадѣевъ. Мелкое барышничество на счетъ своего же брата односельчанина, «заблудившагося чужаго вѣка» объясняется сметкою русскаго простодушнаго: кто молъ «смышленѣе», тотъ и шкуру деретъ. Какими же должны быть услуги, ожидаемыя для общиннаго и государственнаго обществѣ отъ наиболѣе смышленныхъ людей изъ народа, «по древнему обычаю» созванныхъ на совѣтъ для устройства «земскаго и государскаго дѣла»!

при освобожденіи крѣпостныхъ, безъ тайны на этотъ разъ». Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «каковъ будетъ составъ мѣстныхъ выборныхъ, таковъ будетъ и всероссійскій порядокъ, который имъ предстоитъ заложить снизу», а потому, вѣроятно, и предлагаетъ напередъ, какъ мы видѣли, не устранять міроѣдовъ и вовсе не допускать къ избранію наиболѣе развитаго класса населенія — безземельныхъ тружениковъ всякаго званія и состоянія. Крестьянская темнота, интересы барышничества (не исключая и мелкаго кулачества) и крупнаго землевладѣнія должны были лечь въ основу мнѣнія земли, «повергаемаго» на усмотрѣніе высочайшей власти, по проекту добровольцевъ охраны — этого своеобразнаго, вполне «самобытнаго», на московскій ладъ, политическаго сообщества. Приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ оно поручило графу Игнатьеву или послѣдній самъ, въ силу своей хлестаковщины, вызвался провести ихъ въ загородной Александріи. Поспѣшно и для многихъ весьма неожиданно министромъ внутреннихъ дѣлъ были представлены подробная записка и проектъ манифеста въ означенномъ смыслѣ. Царь одобрилъ и то и другое — и дѣло было почти рѣшено. Но «откровенныя самодержавцы» не дремали. Побѣдоносцевъ обличилъ Игнатьева передъ царемъ въ какой-то лжи по совершенно побочному дѣлу — что, разумѣется, не представило особыхъ затрудненій — и проектъ манифеста былъ положенъ подъ сукно, а на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ «наиконсервативнѣйшій» изъ сановниковъ — гр. Дм. Андр. Толстой. «Добровольцы», раздосадованные неудачею, рѣшились, «по примѣру бывшей Милютинской партіи», искать правительственныхъ мѣстъ: до сихъ поръ они де чванились и отказывались отъ всякихъ полицейскихъ и административныхъ должностей; «теперь же, по словамъ нашего корреспондента, приняли рѣшеніе разыграть грандіозную интригу въ костюмахъ полицейскихъ чиновниковъ». Туда имъ и дорога!

Еще разъ петербургское правительство признало невозможность побороть крамолу, — въ настоящее время направленную исключительно противъ абсолютизма власти, — силою правоты принципа самодержавія, расположенія къ нему общественнаго мнѣнія и дѣятельностію закона въ рукахъ преданныхъ престолу

исполнителей. Правота принципа самодержавія открыто превозносится лишь небольшою группою журнальныхъ дѣятелей, такъ или иначе облюбленныхъ и обласканныхъ при дворѣ, остальное же общество весьма замѣтно для непредубѣжденнаго наблюдателя наклонилось къ требованію ненарушимости личныхъ правъ и свободы личной самостоятельности еще въ эпоху открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, куда стеклись тысячами представители образованнаго міра Россіи. Тогда еще, на этомъ всероссійскомъ торжествѣ чествованія гуманныхъ идей поэта, по молчаливому согласію большинства, какъ бы сама собою повалилась въ общественномъ сознаніи мертвящая идея абсолютизма власти. Съ той же поры революціонные ряды стали замѣтно пополняться приближенными ко двору лицами, блюстителями и стражами закона, до такой степени, что даже въ Петропавловской крѣпости, даже среди жандармовъ явились люди, предложившіе свои услуги такъ называемой крамолѣ*). Послѣдніе аресты, о которыхъ вкратцѣ было упомянуто въ предъидущемъ №-рѣ «Вольнаго Слова», и свѣжія открытія въ морскомъ министерствѣ**), показываютъ ясно, что русскій царь не можетъ рассчитывать болѣе на защиту собственной особы даже вымуштрованнымъ въ духѣ самодержавія войскомъ — этимъ оплотомъ въ мирное время всякаго абсолютизма. Въ такую минуту упорствующему въ своемъ бытіи самодержавію нельзя опереться ни на общество, ни на организованную государственную силу, но остается прибѣгать къ содѣйствію лишь отрядовъ «охотниковъ», создавать для охраны царя «опричнину» въ буквальной смыслѣ слова и дѣйствовать тайно, проникая въ подпольную среду своихъ наиболѣе энергичныхъ противниковъ, чтобы ослабить эту среду, посылать въ ней раздоры и сумятицу.

Намъ доставленъ документъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о такой именно тактикѣ цынѣшннго петербургскаго правительства. Документъ этотъ — циркуляръ вповѣ назначеннаго начальника штаба жандармовъ, Георгія Порфирова сына Судейкина, въ виду свѣдѣнности и

*) См. Indépendance Belge, № отъ 5 іюля, корреспонденція изъ Петербурга.

**) Тамъ же, № отъ 7-го іюля. «Polit. Corr.» и др. Хотя «Journal de St-Petersbourg» и объявляетъ лишенными всякаго основанія извѣстія этихъ газетъ объ открытіяхъ и случаѣ самоубійства въ морскомъ министерствѣ, но странно, что подобныя объявленія дѣлаются органомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а не департаментомъ государственной полиціи черезъ посредство «Правит. Вѣстника».

настоятельной надобности въ услугахъ этой ехидны, произведеннаго изъ маіоровъ прямо въ полковники. По дословной выпискѣ нашего корреспондента, циркуляръ сего знаменитаго еще по Кіеву (дѣло Забрамскаго) руководителя сыскныхъ дѣлъ гласитъ слѣдующее:

«При полицейскомъ вѣдомствѣ (департаментъ государственной полиціи или повсемѣстно въ имперіи?) рядомъ съ «разслѣдовательной агентурою», устраивается особое отдѣленіе, завѣдывающее активнымъ воздѣйствіемъ на революціонную среду. Цѣль этого новаго учрежденія слѣдующая:

«1. Возбуждать помощью особыхъ активныхъ агентовъ ссоры и распри между различными революціонными группами.

«2. Распространять ложные слухи, удручающіе и терроризирующіе революціонную среду.

«3. Передавать черезъ тѣхъ же агентовъ, а иногда помощью приглашеній въ полицію или кратковременныхъ арестовъ, обвиненія наиболѣе опасныхъ революціонеровъ въ шпіонствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитировать революціонныя прокламаціи и разные органы печати, придавал имъ значеніе агентурной провокаціонной работы».

Г. Судейкинъ, сообщаютъ намъ дальше, выдавая себя за чернопередѣльца, думаетъ возобновить угасшій органъ этой партіи и намѣренъ въ особенности показать себя на поддѣлкѣ ожидаемаго № 10 «Народной Воли», пользуясь попавшимся въ руки полиціи, при послѣднихъ арестахъ, рукописнымъ матерьяломъ и даже шрифтами и бумагой «Народной Воли». Печатаніе поддѣлки уже начато. Она будетъ отличаться отъ ожидавшагося подлинника лишь тѣмъ, что появится съ исключеніями нѣкоторыхъ, слишкомъ «тяжелыхъ мѣстъ»; за то къ фальсификаціи будетъ добавленъ особый списокъ шпіоновъ и разныхъ другія замѣтки, входящія въ расчеты полиціантовъ.

Сообщаютъ еще и про другія поддѣлки г-на Судейкина съ оппозиціонною печатью; но о нихъ мы помолчимъ покуда. Пускай жандармскіе Одиссеи, желая запутать общественныя понятія и отношенія, запутаются покрѣпче сами!

А какъ общую мѣру противъ всѣхъ этихъ жандармскихъ тонкостей и хитростей, можно рекомендовать всѣмъ революціоннымъ и оппозиціоннымъ кружкамъ самое строгое требованіе личной порядочности отъ своихъ членовъ и соблюденіе порядочности же во взаимныхъ кру-

жковъ и партіозныхъ отношеніяхъ. При обязательности въ отношеніяхъ между членами кружковъ и въ отношеніяхъ междукружковыхъ того, что англичане называютъ джентельменствомъ и что должно быть основою человѣческихъ отношеній, не нарушаемаго ни ради какихъ личныхъ, кружковыхъ и партіозныхъ соображеній, — никакіе жандармскіе Одиссеи не могутъ быть страшны. И наоборотъ, при отступленіи отъ этого джентельменства, — немедленно открывается лазейка для провокаторовъ и шпіоновъ, не говоря уже о всякаго рода интриганахъ.

Чтобы наши слова были болѣе понятны мало посвященнымъ, мы напомнимъ на нѣкоторыя подробности. Намъ извѣстны примѣры не только заподозрѣванія, но даже убійства заподозрѣнныхъ по весьма недостаточнымъ основаніямъ. Такіе примѣры должны были возбудить въ г. Судейкинѣ надежды съ успѣхомъ пустить въ ходъ первую половину 3-го § его циркуляра. Далѣе «народоволецъ» Исаевъ допустилъ въ своей рѣчи на судѣ замѣчанія на счетъ разрушительности стремленій «партіи «Чернаго Передѣла»; — и тѣмъ, конечно, подалъ г-ну Судейкину мысль самому представляться «чернопередѣльцемъ». Наконецъ, не осмѣляетъ ли жандармскихъ интригановъ та легкость, съ какою россияне бросаютъ въ своихъ соперниковъ обвиненія въ сношеніяхъ съ III-мъ отдѣленіемъ, обвиненія, которыя столько разъ произносились въ послѣднее время и печатно, начиная съ полемики «якобинцевъ» противъ «лавристовъ»....

Конечно, всѣ эти промахи и грѣзы, равно какъ и всѣ хитрости жандармскихъ Одиссеевъ плаваютъ весьма мелко, — ну, да все таки зачѣмъ же давать возможность проходивцамъ ловить въ мутной водѣ и мелкую рыбу?!

Смѣщеніе гр. Игнатѣева повело за собою перетасовку въ личномъ составѣ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ: однихъ директоровъ департаментовъ, начальниковъ управленій и отдѣловъ спустили въ сенаторы, другихъ на губернаторскія мѣста. Жандармскій и вмѣстѣ свитскій генералъ Оржевскій изъ семинаристовъ (явленіе довольно рѣдкое), какъ сынъ сельскаго дьячка, съ особенною любовью поставленъ въ товарищи къ графу Толстому Побѣдоносцевымъ, внукомъ дьячка.

На мѣсто директора государственной полиціи ф. Плеве назначенъ замолившійся до безпамятства старшій предсѣдатель Харьковск. судебн. пал. сенаторъ Ланге.

Говорятъ о назначеніи члена государственнаго совѣта и сенатора Ковалевскаго на мѣсто Набокова (министра юстиціи), страдающаго хроническимъ разжиженіемъ мозга.

Сообщаютъ объ охлажденіи царя къ своему любимцу Воронцову-Дашкову. Иностранныя газеты объясняютъ это охлажденіе арестомъ маіора Тихоцкаго, который, будто бы, былъ принятъ въ «охрану» по рекомендаціи гр. Воронцова-Дашкова и тѣмъ не менѣе принадлежалъ къ революціонной средѣ.

Есть извѣстіе, что синодальный обер-прокуроръ Побѣдоносцевъ и министръ внутр. дѣлъ гр. Толстой получили угрожающія письма, вызванныя, вѣроятно, дѣятельнымъ участіемъ перваго въ Свящ. Дружинѣ и отвращеніемъ всего общества, молодежи же въ особенности, къ прежней дѣятельности послѣдняго.

Изъ всѣхъ событій въ мірѣ безличной и слабо-спильной виѣшней политики петербургскаго правительства нѣсколько выдается перерывъ приходившихъ было къ концу переговоровъ съ римской куріей. Главный уполномоченный, Мосоловъ, которому Бутеневъ служилъ какъ бы дипломатическимъ чичероне, вдругъ потерялъ важный постъ директора иностранныхъ вѣроисповѣданій и отправился на губернаторство въ Вологду, по сосѣдству съ бывшимъ петербургскимъ градоначальникомъ Барановымъ. Недурная выдумка сдѣлать сѣверныя губернаторства ссыльными мѣстами для сановниковъ!

Въ связь съ этой ссылкой представителя соглашенія съ католической церковью приводятъ и отозваніе единственнаго русскаго посла католика по вѣрѣ, г. Убри, который подготовилъ открытіе переговоровъ о конкордатѣ и стоялъ за его заключеніе. Такое истолкованіе, впрочемъ, кажется преувеличеннымъ; г. Убри — замѣчательнѣйшая бездарность и обязанъ своей карьерой исключительно своимъ гастрономическимъ способностямъ. Бездарность эта и была главной причиною, изъ за которой германское правительство настаивало на сохраненіи его долгое время посломъ въ Берлинѣ. Бисмарку было чрезвычайно легко управляться съ такимъ представителемъ, къ которому онъ даже не скрывалъ своего презрѣнія; рассказываютъ, что въ послѣдніе годы онъ даже не считалъ нужнымъ вести съ нимъ серьезныхъ разговоровъ. Когда же приличіе требовало отдать Убри визитъ, то Бисмаркъ устранивалъ такъ, что пріѣзжалъ во время игры на бильярдѣ, которая служила Убри главнымъ отдыхомъ отъ его кулпнарныхъ заботъ; въ такомъ случаѣ Бисмаркъ настаивалъ, чтобъ продолжали игру, и или самъ вступалъ въ нее, или же, что было чаще, ограничивался тѣмъ, что набивалъ мѣломъ кѣп для русскихъ дипломатовъ, и уѣзжалъ, не обмѣнявшись съ посломъ ни однимъ серьезнымъ словомъ. Въ концѣ періода нѣжной дружбы Петербурга съ Берлиномъ, Убри былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ пріѣздъ его... повара произвелъ впечатлѣ-

ние. Теперь опъ, т. е., г. Убри, призванъ въ высшее учреждение Россійской имперіи и сдѣланъ однимъ изъ ея законодателей...

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОСЪ НА УКРАИНѢ.

Болѣе года уже въ разныхъ мѣстахъ Украины происходятъ т. наз. противуеврейскіе, или, какъ иногда говорятъ даже, еврейскіе безпорядки, — которыхъ давно слѣдовало ожидать, на которые еще наканунѣ пераго взрыва казались многимъ нейтральными. Много съ тѣхъ поръ написано было по этому поводу о еврейскомъ вопросѣ, но въ массѣ писаннаго, говоря безпристрастно, едва можно указать на двѣ—три статьи, которыя бы проливали истинный свѣтъ на происходящее передъ нами движеніе; что же касается до указанія средствъ, для исправленія того зла, о которомъ свидѣтельствуютъ противуеврейскіе безпорядки, то, если мы съ этой стороны заглянемъ въ массу писаннаго по поводу этихъ безпорядковъ, пожина наша будетъ еще меньшею.

Главная причина такой слабости литературы по данному вопросу заключается, конечно, прежде всего въ отсутствіи предварительнаго фактическаго его изученія. Еврейскій вопросъ на Украинѣ вступилъ въ горлuchую фазу прежде, чѣмъ руководители нашего общества собрали о немъ фактическія справки, — что, впрочемъ, случается въ Россіи по всемъ вопросамъ за послѣдніе 20—25 лѣтъ. (Почему это такъ? — объ этомъ длинно было бы говорить, да и далеко бы насъ завело). За отсутствіемъ достаточнаго изученія, рѣшителямъ и судьямъ разныхъ партій пришлось рѣшать еврейскій вопросъ на Украинѣ, руководствуясь или готовыми абстрактными формулами, или субъективными симпатіями и антипатіями. Съ абстрактными формулами выступаютъ преимущественно противники еврейскихъ разгромовъ, съ субъективными чувствами — преимущественно ихъ явные и полуприкрывающіеся сторонники, — хотя въ эту же категорію слѣдуетъ зачислить и значительную долю еврейскихъ націоналистовъ.

Присутствіе, если не преобладаніе, въ противуеврейскихъ безпорядкахъ на Украинѣ экономическихъ причинъ не могло не броситься въ глаза всемъ, разсуждавшимъ о вопросѣ, а потому и самые безусловные порицатели этихъ разгромовъ не могли отрицать факта раздраженія производимаго безпорядками населенія, вслѣдствіе его бѣдственнаго экономическаго положенія. Они только не хотѣли признать значенія евреевъ въ созданіи этого положенія, и торопились приписать его однимъ «общимъ» условіямъ, — а въ началѣ, когда главную роль въ разгромахъ приписывали «кацапамъ», многіе корреспонденты и публицисты пробовали даже утверждать, что евреи вовсе не при чемъ въ причинахъ, ожесточившихъ громителей, такъ какъ послѣдніе выгнаны нуждою на Украину изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ евреевъ вовсе и нѣтъ.

Такое объясненіе противуеврейскаго движенія исключительно «общими» условіями, особенно было въ ходу въ кругахъ либе-

ральныхъ и въ части круговъ революционныхъ. Соотвѣтственно этому объясненію, и мѣры предлагались только общія: отъ распространенія на евреевъ общихъ правъ гражданскихъ, которыя, говорили либералы, покажутъ народу, что еврей такой же человекъ, какъ и христіанинъ, и тѣмъ будто бы останавливать возможность противуеврейскихъ движеній, — до поднятія общаго благосостоянія массъ и пропаганды солидарности между людьми всякихъ расъ и религій, особенно между людьми рабочими. Конечно, противъ этихъ общихъ мѣръ ничего нельзя сказать по существу. Но дѣло въ томъ, что онѣ вовсе не разсчитываютъ на специальный элементъ, какой существуетъ въ еврейскомъ вопросѣ и какой доказывается уже и тѣмъ, что общія условія жизни массъ во всей Россіи плохи, по почемому то массовое раздраженіе да кипело же прежде всего въ данной мѣстности на евреевъ. Другая, едва ли еще не болѣе слабая сторона вышесказанныхъ общихъ соображеній заключается въ томъ, что они, какъ равно и основанныя на нихъ мѣры, обращаются только на элементы, производившіе разгромы, — а оставляютъ совсѣмъ евреевъ, которые, будучи разъ вигорожены изъ числа причинъ разгромовъ, конечно, должны остаться и въ реформѣ, исключая реформы ихъ юридическаго положенія, т. е. расширенія ихъ правъ, безъ всякаго преобразованія ихъ жизни и отношеній къ нееврейскимъ массамъ.

Если изложенное общее отношеніе къ еврейскому вопросу грѣшитъ абстрактностью и потому поверхностностью, — то другія отношенія къ этому же вопросу, обнаружившіяся въ послѣднее время, грѣшатъ, напротивъ того, своею крайнею уже конкретностью: въ основѣ ихъ лежатъ слишкомъ уже непосредственныя національныя чувства, или слишкомъ эмпирическое народничество. Разумѣется, у еврейскихъ націоналистовъ евреи выходятъ ни въ чемъ не виновными, а разгромители изображаются только грабителями, варварами, чуть не скотами. Наоборотъ, націоналисты христіанскіе не жалѣютъ черныхъ красокъ для евреевъ, вполне оправдываютъ ихъ разгромы и призываютъ на евреевъ всякаго рода ограниченія и репрессіи. При этомъ у націоналистовъ великороссійскихъ обнаруживался явный расчетъ замѣнить на Украинѣ еврейскихъ гешеттеровъ кулаками христіанскими великорусскаго происхожденія. Вотъ почему тѣмъ страннѣе видѣть полную солидарность украинскіхъ національныхъ демократовъ (нынѣшнихъ украинскіхъ націоналистовъ въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ) съ націоналистами великорусскими, которая доходила даже до того, что укр. нац. демократы въ своихъ печатныхъ органахъ не только присоединялись ко всемъ голосамъ, одобряющимъ всякія ограниченія правъ евреевъ, но даже выказывались противъ предоставленія евреямъ права жить по всей Россіи. Последнее тѣмъ болѣе удивительно, что обостреніе еврейской эксплуатаціи украинскіхъ массъ несомнѣнно произошло, благодаря скученности евреевъ въ югозападной половинѣ

Россіи, каковая скученность произведена совершенно искусственно русскимъ законодательствомъ, руководившимся въ данномъ случаѣ не только узкими великороссійскими соображеніями, но и явнымъ умысломъ подавленія развитія національно украинскаго средняго сословія, которое еще въ XVIII в. было на лицо въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, число которыхъ было далеко не малочисленно и промышленное развитіе которыхъ было вовсе не такъ уже слабо, какъ обыкновенно думаютъ, благодаря отсутствію не только обстоятельной, но какой бы то ни было культурной исторіи украинскіхъ областей. Во всякомъ случаѣ, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ объ умысленности, нельзя не поразиться присутствіемъ различныхъ мѣрокъ въ политикѣ русскаго правительства относительно евреевъ въ украинскіхъ и въ великорусскіхъ областяхъ, особенно со времени Екатерины II, истребительницы всѣхъ автономныхъ учрежденій въ украинскіхъ областяхъ.

Фразелюбивая императрица эта произвела (въ 1796 году) относительно евреевъ либеральное положеніе, что «всякъ по знанію и состоянію своему долженъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона (вѣры) и народа», и что, евреи «войдя въ равное съ прочими состояніе и платя въ казну равныя подати, также неся прочія наравнѣ съ другими тяготы, должны во всякомъ случаѣ защищенны и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими Ея Императорскаго Величества подданными». Изъ этихъ положеній естественно вытекало и даже прежде всего должно было вытекать право евреевъ на жительство во всемъ государствѣ либеральной императрицы, и тѣмъ болѣе, что эта императрица была собственно основательницею въ Россіи теоріи государственнаго единообразія. Но оказывается, что вышеупомянутыя либеральныя положенія были фразами, которыя прежде всего должны были подѣйствовать на евреевъ новопріобрѣтенныхъ отъ польскаго государства провинцій, — почему въ указѣ 1796 г. рядомъ съ ними и поставлены слова, отмѣняющія «прежніе польскіе законы и установленія о различіи евреевъ противъ христіанъ». Права евреевъ Екатерина II предоставила только въ этихъ «областяхъ, отъ Польши возвращенныхъ», а также въ областяхъ украинской Гетманщины и Запорожья, а въ великорусскія области евреевъ не пустила.*) Уже въ 1762 г. Екатерина отказала евреямъ въ правѣ селиться въ Великороссіи, — въ 1790 г., уже по присоединеніи Бѣлороссіи, правительство этой императрицы отбѣчало отказомъ на просьбы бѣлорусскихъ евреевъ позволить имъ записываться въ купечество въ Смоленской и Московской губерніяхъ, —

*) Понимая, считаемъ напомнить читателямъ, что въ Польшѣ, начиная еще съ 1780 г., а особенно съ 1788 г. прогрессивныя партіи стали составлять проекты устройства и эманципаціи евреевъ; такимъ образомъ отмена законовъ польскихъ королей Екатериной II и либеральныя фразы ея, которыя прилагались только къ областямъ присоединеннымъ съ 1772 г. отъ Польши, да потому къ юго-восточной Украинѣ, — получаютъ особое значеніе!

согласившись съ мнѣніемъ президента коммерц-коллегии, гр. Воронцова, по которому «отъ допущенія» евреевъ въ «купечество внутреннихъ губерній не усматривается никакой пользы», — въ замѣтъ чего гр. Воронцовъ предлагалъ дать имъ право гражданства въ Бѣлоруссіи и прибавилъ, что «сіе право могло бы быть съ пользою распространено и на намѣстничество Екатеринославское и Таврическое», образованныя изъ подчиненныхъ въ 1775 г. Вольностей Запорожскихъ. Это право и дано было евреямъ въ этихъ намѣстничествахъ въ 1791 г. Въ 1796 г. разрѣшено купцамъ евреямъ переходить изъ Бѣлоруссіи въ намѣстничество Новгородъ-Сѣверское, выходящее изъ сѣверовосточныхъ частей бывшей украинской Гетьманщины*). Со временемъ право поселенія евреевъ было распространено на всю бывшую Гетьманщину, кромѣ Кіева, въ который евреи то допускались, то не допускались.

Эти поставленные правительствомъ рамки для поселенія евреевъ и обусловили ихъ скученность, не только въ полосѣ, сравнительно густо населенной и въ которой евреи жили издавна и занимались въ извѣстной степени производительнымъ трудомъ, но и въ полосѣ, только что заселявшейся, гдѣ евреи явились преимущественно какъ торговцы и посредники, — особенно (въ XIX в.) по торговлѣ и откупу водочному. Въ вышедшей недавно первой книжкѣ «Историческіе материалы изъ архива кievскаго губ. правленія» г. А. А. находимъ интересное свѣдѣніе о числѣ евреевъ въ Кіевскомъ намѣстничествѣ въ 1792 г. (тогда Кіевское намѣстничество, кромѣ кievскаго уѣзда, все состояло изъ уѣздовъ лѣвобережныхъ теперешнихъ Черниговской и Полт. губерній). Оказывается, что въ этомъ намѣстничествѣ тогда проживало въ уѣздахъ: евреевъ польскихъ 371, бѣлорусскихъ 499, — а въ городахъ: польскихъ 76, бѣлорусскихъ 20.**). Подъ именемъ Польши тогда еще разумѣлись и украинскія области теперешняго югозападнаго края, — такъ что польскіе евреи тогдашняго кievскаго намѣстничества были, конечно, евреи, переселившіеся изъ этихъ областей. Интересно, что уже тогда въ лѣвобережныхъ уѣздахъ было больше евреевъ бѣлорусскихъ, чѣмъ правобережныхъ, — и эти бѣлорусскіе евреи явились въ Полтавщинѣ, какъ и въ Екатеринославщинѣ, конечно, только потому, что имъ былъ стѣсненъ ходъ изъ Бѣлоруссіи въ естественномъ для нихъ квартиральному направленіи: въ Смоленскую, Московскую и т. п. губерніи. Сравнивъ теперешній, относительно огромный процентъ евреевъ въ уѣздахъ и городахъ, напр., Полтавской губерніи съ числомъ, показаннымъ по описи 1792 г. (напр., въ Переяславскомъ уѣздѣ, гдѣ происходили въ прошломъ году особенно серьезные беспорядки и гдѣ въ главномъ городѣ на 10—12 т. населенія

60% — евреи, въ 1792 г. было всего 53 еврея), мы придемъ къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ половина, если не больше, теперешняго еврейскаго населенія лѣвобережной и новороссійской Украины должна бы была поселиться въ губерніяхъ великорусскихъ, если бы не была поставлена тому искусственная преграда со стороны русскаго правительства. Вотъ почему болѣе чѣмъ странно, что представители украинскіхъ областей не только не настаиваютъ самымъ энергичнымъ образомъ на устраненіи этой преграды, но иныя даже поддерживаютъ суворинско-аксаковскіе софизмы въ пользу ограниченія права жительства евреевъ по всей Россіи. Если украинскіе народники обольщаютъ себя надеждами, что величскія затрудненія заставятъ евреевъ совсѣмъ выселиться изъ Россіи, — то это болѣе чѣмъ наивно, такъ какъ миллионныя массы не выселяются. А потому уже, исходя изъ одной украинско-народнической точки зрѣнія, слѣдовало бы требовать не только права евреямъ жить во всей Россіи, но и правильной организаціи переселенія евреевъ изъ западной полосы ея въ восточную, чтобы хоть сколько нибудь поправить несправедливость, установленную великорусскимъ законодательствомъ со временъ Екатерины II.

Собственно на украинскую народническую точку зрѣнія на еврейскій вопросъ стала и та часть русскихъ революціонеровъ, которая издала въ прошломъ году прокламацію, написанную на украинскомъ языкѣ, но озаглавленную (характерно!) на «государственномъ», великорусскомъ языкѣ: «Исполнительный комитетъ украинскому народу. Объявленіе», и подписанную тоже на государственномъ языкѣ: «Исполнительный комитетъ Народной Воли».*). Въ этой прокламаціи особенно харак-

*) Намъ передавали, что прокламація эта встрѣчена была сильнымъ неудовольствіемъ во многихъ революціонныхъ кругахъ, и потому ея распространение было прекращено. Поэтому и лицо, сообщившее намъ экземпляръ прокламаціи, предоставляло намъ право говорить о ней, но не перепечатывать ее цѣлкомъ. Мы не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ эту прокламацію, не только потому что она, развѣ будучи выпущена въ свѣтъ, стала уже документомъ, котораго «не вырубшь и топоромъ», но и потому, что не смотря на, такъ сказать, запрещеніе ея тѣмъ же учрежденіемъ, которое ее издало, — она все таки выражаетъ образъ мыслей извѣстнаго количества лицъ. Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами и въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ году, видно, что таки значительная часть революціонныхъ круговъ въ Россіи относилась симпатично къ разгромѣ евреевъ и возлагала на нихъ большія надежды, какъ на начало близкаго широкаго народнаго революціоннаго движенія. На сколько эти надежды разсѣялись теперь, послѣ того какъ въ прошлую весну антиеврейское движеніе не оправдало ожиданій, — мы не беремся судить. (Для характеристикъ прошлогодняго настроенія разныхъ элементовъ общества и въ томъ числѣ и «молодежи», напр., въ Кіевѣ мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на корреспонденцію, помѣщенную на стр. 253—258 V тома «Громады»). Во всякомъ случаѣ при существованіи еще во многихъ русскіхъ революціонныхъ кругахъ вѣры въ народническую формулу: «народъ не пронагадируется, а агитруется — на почвѣ его требованій», совершенно естественно, что извѣстная часть русскіхъ революціонеровъ должна была подумать о томъ, чтобы воспользоваться противоеврейскимъ движеніемъ для

терны слѣдующія мѣста изъ ся начала (удерживаемъ правописаніе оригинала, крайне нелогичное):

«Тяжко стало людямъ жити на Україні, та чимъ далі все тяжче стає. Ніхто нігде правди не находить. Б'ють васъ скажені в'рядипкі, ідять васъ поїдомъ нами, граблять жиди-Гуди пенотрібіи.

«Одъ жидівъ гірше всего терплять люде на Україні. — Хто забравъ у свої руки землі, ліса, та корчми? — Жиди. — У кого мужикъ, часомъ кризь сьези, просить доступитця до свого лану, до своєї царини? — У жидівъ. — Куди пі глянешь, до чого пі пристунишь, — жиди усюди. Жидъ чоловіка лає, вінъ его обманює, нѣе его кровъ. — Немає у селі житця одъ жиди.

«Повидає чоловікъ рідне село, та рідну хату; почина, по світі лаукаючи, доіи шукати, — скрізь недолю пайде, бо скрізь грабять его ледаче зпале.

«У городі ще гірші, якъ у селі. Тутъ усі хвабріки, усі базари, усе начальство ихъ грішми закуплене.

«Стогне сіромаха мужикъ, кляне часомъ той часъ та годину, коли породила его на світѣ рідна мати, а панамъ зъ жидами, та цареві зъ начальниками байдуже»....

«Не то ділялось на Україні перше, за нашихъ дідівъ, та прадідів. Уся земля була тоді мужицка: не було ні панівъ, ні жидівъ. Люде були волні козакі, слухали лишь своїхъ виборнихъ старшинъ та отаманівъ. Такъ було, поки не приходили на Україну русські царі.

«А якъ прийшли вони — засумувавъ край веселій. Відобрали вони одъ народа усю землю, де яку роздали своїмъ пашкамъ, де яку розпродали (?) жидкамъ, а волннихъ людей повідавали їмъ у наймити. — Не досталъ того. Щобъ було більше грошей на багаті обідн, на дворці, та палати, на п'янство, та курларство, царъ и досі збпрає зъ мужиківъ податі собі у кишеню. Хотъ вмири мужикъ, а ту податъ що року ему подай.

«А якъ не маєшъ грошей — піди до жиди: вінъ душа щира, дасть тобі копійку, а здеже потімъ за копійку карбованця. Де самъ здерти не зможе, тамъ попросить станового, або судью — вони здеруть. Бо царъ усіхъ начальниківъ поклавъ, усі закони видає — собі на користь, панамъ та жидамъ на помічъ.»*)

Прокламація эта, — какъ и показанія самихъ украинскіхъ массъ и давнишія заявленія украинскіхъ народниковъ, — въ сущности вѣрно передаетъ status quo отношеній евреевъ и украинскаго народа; мало того, она имѣетъ еще одно преимущество надъ, по крайней мѣрѣ, печатными заявленіями украинскіхъ народниковъ — въ томъ, что она затрогиваетъ, хотя не полно и не отчетливо, тѣсную связь еврейской эксплуатаціи на Украинѣ съ русскимъ государствомъ. Этой связи не хотятъ усматривать великорусскіе націоналисты «Руси» и «Новаго Времени» и ихъ союзники на Украинѣ,

своихъ цѣлей и прежде всего ставъ «на почву» этого самаго движенія.

*) Дальше, послѣ указанія, что царъ высылаетъ войско оберегать «жидівъ», — идетъ заявленіе, что главный врагъ народа — царъ, изложеніе программы Исполнительнаго Комитета, — въ томъ числѣ замѣна царя «Палатою Депутатовъ, щобъ управляли народомъ (всєя Россіи) по его Народноі Воли», — объясненіе, почему убить Александръ II, сообщеніе о «грамотѣ», посланной «до молодого царя», приглашеніе народа «виходьте до насъ на помічъ хто зъ чимъ може» и т. п.

*) Подробности см. у Оршанскаго «Русское Законодательство о Евреяхъ» и въ изданіи «Городскія поселенія Россіи» въ соответственныхъ губерніяхъ.

**) Свѣдѣнія о занятіяхъ этихъ евреевъ имѣемъ только по городу Кіеву: въ немъ изъ 44 евреевъ — ремесленниковъ показано только 4.

официальные публицисты обрусения в «Киевлянин», а между тем она то и отличает подкладку противоеврейского движения на Украине от клерикально-консервативно монархического антисемитизма в Германии. Во время старого польского государства евреи на Украине играли прежде всего роль прямых агентов королевского и папского фиска; при русском же государстве они здесь играют роль косвенных фискальных агентов, без которых, при всех теперешних условиях жизни в стране, не было бы государству возможности производить взывание налогов, которое неизбежно сопровождается займами, закладами, аукционами и т. п. *). Елисаветградские бабы, — лишены коров, при посредничестве еврейских скупщиков (умбующих ловко устраивать аукционные дела купно съ станювыми) — бабы, которые указывали детям на разрушенные еврейские дома, чтобы и дети помнили день отмщения врагам женского хозяйства и детского молока, инстинктивно понимали эту связь еврейского и царского вопроса на Украине, а прокламация «Исп. Ком. Нар. Воли» подошла к этой связи. Но как по этому пункту, так и вообще по вопросу о еврейской эксплуатации, эта прокламация не поднялась выше конкретного указания факта, т. е. выше уровня разумения и самой чернорабочей массы. Еще более слабую, уже совсем непростительную, сторону этой прокламации составляет полное забвение того, что среди разбиваемых евреев есть не только бедняки (во многих местах, особенно в городах, бедняки то почти исключительно и попадались), но и люди такого же производительного, черного труда, как и христиане крестьяне и ремесленники. Быть может, это забвение следует объяснить тем, что авторы прокламации не бывали в городах и местечках на правом берегу Днэпра, но в нем должно было играть роль и «пародничество» вообще **).

*) Любопытно, что в начале XIX ст. русское государство терпело пребывание евреев «выпукоры», т. е., агентов откупа, и в великорусских стених губерний и в Сибири, «выредь до усовершенствованія въ выпукореніи русских мастеровъ».

**) В статье по поводу еврейских погромов (Русская жизнь), в 3 № рабочей газеты «Зерно», этого пропуски нет. Там находим напоминание, что и «между евреями не все богаты, не все кулаки», и вопрос: «за что же разорены бедные зачужие ремесленники — евреи?», и обращение к «русскому народу»: «отбросьте вражду к иноземцам и инородцам. Помните, что все трудящиеся, какой бы религии и нации они ни были, должны соединиться, чтобы действовать против общего врага». Но в ней не затронуто то обстоятельство, что перед украинскими христианами бедняком — и еврей бедняк, но большей части, является солидарным с евреями «кулаком» и что даже часто бедность вовсе не мешает еврею быть «кулаком», особенно в начале кулацкой карьеры, — а также и то, что проповедь интернационализма следует обратить также, если даже не прежде всего, к евреям. Впрочем, уже по самому языку и малой изложенной статье «Зерно» не могла идти для той именно местности, где происходило противоеврейское движение. Что, напр., поймет украинец в словах «еврей-кулак», когда слово кулак в условном смысле и в Восточной России не везде понятно народу и употреблен-

Об отношении к еврейскому вопросу националистов и даже пародников еврейских печего много и говорить. Видя в евреях только гонимых, они и не могут отнестись правильно к еврейскому вопросу на Украине, ни предлагать никаких мер по еврейскому вопросу, кроме равноправности евреев и военной защиты их от нападений, или выселения из той варварской земли, в которой возможны еще «грубые насилия дикой и фанатической толпы». Как отчасти могли видеть читатели «Вольного Слова» из писем г. М., *) выселение евреев составляет мечту и еврейских пародников, подобно тому, как оно составляет мечту и пародников украинцев. При этом, если у некоторых из еврейских пародников присутствует и сознание, что евреи таки нуждаются сами в реформе своего быта, — то все же, по их мнению, эта реформа может быть произведена только на новых местах, а не в «деспотической России и среди населения, столь варварски отнесающегося к евреям».

Еврейские националисты и пародники несомненно принесли пользу не одним только евреям, защищая во время антиеврейской агитации мысль о том, что «жиды не только тоже человек», — тоже в своем роде «коренной обитатель» (да и что значит не-коренной обитатель?!). страны, а потому и должны быть поставлены в равноправии с другими гражданами условия жизни, — но и то, что «жиды» не все же и эксплуататоры. В этом отношении особенно интересны те указания, как сделаны в упомянутых письмах г. М., — и можно только пожелать, чтобы указаний этих сделано было больше из разных местностей. Но что составляет слабую сторону разсуждений не только еврейских националистов, но и пародников, так это их безусловно адвокатский характер, часто со всеми адвокатскими софистическими приемами **). Это пристрастное отношение еврейских националистов и пародников к своим соплеменникам было одною из главных причин того обстоятельства, что они проглядели рост противоеврейской реакции в массах народа на Украине и во время не предостерегли своих соплеменников, — и если это отношение не замещается более объективным, то есть опасностью, что и горькие уроки последнего года пройдут для евреев даром.

Впрочем, что до еврейских пародников, то сказанные замечания наши могут быть по справедливости приложены к ним более в настоящем и в будущем,

если больше в литературе, с легкой руки Гоголя, вовсе не знатока великорусского народа и его языка.

*) №№ 37 и 38.

**) Этот адвокатский характер отнимает много циты в интересных трудах Оршанского (Русск. Законод. о евреях; Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев). Постоянно даже в одной и той же статье автор перемешивает исходные точки своих суждений, только бы облить евреями и очертить их противников и соперников.

чем в прошедшем, особенно в недавно прошедшем, — по той простой причине, что в этом недавно прошедшем еврейских пародников в России вовсе почти не существовало, хотя существовало очень не мало русских социальных революционеров и пародников из евреев. По причинам, о которых мы отчасти говорили не раз, но о которых считаем неуместным распространяться в этой статье, русские социальные революционеры и пародники вообще оказались плохо знакомы с разнообразными условиями жизни областей и народа, или правильнее, пародов России, и даже, как это ни странно, отнеслись подозрительно и даже враждебно к напоминаниям о разнообразии этих условий. Социалисты и пародники из евреев, оторвавшись от своего народа, еще менее других могли связаться с народными массами нееврейскими, — а потому только усилили «общерусский», т. е. безпочвенный элемент среди русских социалитов и пародников. Этим объясняется то, что и они, также как и еврейские националисты и русские либералы и революционеры всех отблтков, проглядели симптомы, предвещавшие еврейские разгромы последнего времени. А проглядели их было так довольно непростительно, особенно тем, у кого слова «бунт» и «народ» не сходят с уст, — так как, не говоря уже об одесских беспорядках 1871 г., даже нам, — человеку весьма далекому и от официальной, и от деревенской жизни, известен, напр., целый ряд составленных еще в к. 1860-х годов приговоров сельских обществ в Киевской губернии о выселении из них евреев. Разговоры о еврейском вопросе заставили в русских революционных кругах еще в 1873 г. в Цюрихе *), и с тех пор они сделали непеременимым пунктом прений между русскими и украинскими социалистами и пародниками. Мы имеем достаточные основания утверждать, что русские социалисты и пародники, а особенно их пресса, просто не захотели приступить к изследованию еврейского вопроса, **) — за что и были, как и следовало ожидать, наказаны событиями, которые обошли их и поставили в неловкое положение.

В числе важнейших последствий этих событий надо отметить начало образования еврейских пародников, из которых некоторые относятся теперь даже не без вражды к русским социалистам и вообще всем нееврейским партиям и не без скептицизма к самому «научному интернациона-

*) В Цюрихе, в русской библиотеке висела фотография с харьковских противуполицейских беспорядков 1872 г., к которым, конечно, тамшняя русская колония отнеслась с сочувствием. Вот по поводу этого то харьковского бунта и поднимались часто разговоры о том, как же относиться к одесскому противоеврейскому бунту 1871 г.?

**) Один вследствие способности или привычки удовлетворяться абстрактными положениями, даже если бы они обратились уже в фразы или даже в причитания, другие из болзны заботы для многих шекотливый вопрос.

пальному социализму», вместо программ которого эти еврейские народники, — подобно тем своим русским предшественникам, которые возлагали надежды на раскол и т. п. порождения р. народного ума, — готовы приступить к своим соплеменникам с положениями пророков и даже талмуда. Увлечение это, конечно, будет так же разбито, как и всякие увлечения народничества, смѣшивающего локализацию педагогических приемов с сущностью самого учения, средство с целью. Но это вопрос уже дальнѣйший. Держась въ предѣлахъ настоящей главы нашихъ очерковъ, мы скажемъ только, что еврейское народничество, оставаясь на той пристрастной точкѣ зрѣнія, на которой оно стоитъ, не дало и не дастъ всесторонняго разрѣшенія еврейскаго вопроса на Украинѣ, ни историческаго, ни, слѣдовательно, и практическаго.

Мы видѣли, что такого разрѣшенія не даетъ ни одно изъ разсмотрѣнныхъ выше общественныхъ направлений. Конечно, каждое изъ нихъ указываетъ вѣрно на какую нибудь сторону упомянутого вопроса и даетъ по немъ отдѣльные, болѣе или менѣе вѣрные рѣшенія.

Но этого мало. Необходимо найти синтезъ даннаго вопроса. Попытаемся же вступить на дорогу къ отысканію этого синтеза.

М. Драгомановъ.

ПУТЕЙСКІЯ ХИЩЕНІЯ.

(Микрокосмъ російскаго государственнаго управления).
(Окончаніе).

Въ прошломъ очеркѣ мы охарактеризовали нѣсколько подробно, какъ дѣятельность управляющаго канцеляріею министра путей сообщенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Неронова, такъ равно совершили преобразованія и созданные имъ разные порядки и комбинаціи, имѣющіе цѣлью поставить кабинетъ управляющаго канцеляріею министра путей сообщенія конечнымъ центромъ всякихъ домогательствъ и пропесковъ по вѣдомству путей сообщенія. Но осуществленіемъ корыстныхъ цѣлей и настоящимъ полномочнымъ положеніемъ своимъ Нероновъ обязалъ также и тупоумію лицъ, окружающихъ и близко стоящихъ къ министру путей сообщенія по своему служебному положенію. Не замѣчали или не могли замѣчать, по крайней мѣрѣ ограниченности ума, всѣхъ продѣлокъ Неронова бывшіи товарищи министра, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ П. П. Селифоновъ; дѣйствительно, этотъ замѣчательный субъектъ, страдающій слабоуміемъ и природною тупостью, изучилъ доступные его уму канцелярскіе порядки и, въ продолженіе 8-ми лѣтняго пребыванія въ должности товарища министра путей сообщенія, исключительно заняты былъ составленіемъ новыхъ формъ реестровъ для записки пакетовъ, входящихъ и исходящихъ бумагъ, докладовъ; но и это дѣло, надъ которымъ такъ долго и усердно работали умъ государственнаго мужа, доведено имъ до абсурда установленіемъ многихъ лишнихъ графъ, въ родѣ графы пастольнаго реестра, историчес-

каго хода дѣла, алфавитовъ для входящихъ и исходящихъ бумагъ и многихъ канцелярскихъ нововведеній, не приводящихъ ни къ какимъ практическимъ цѣлямъ, а только утруждающихъ работу несчастныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. По окончаніи этой курьезной, но считаемою за капитальную и серьезную, работы товарища министра путей сообщенія, о которой доложено было даже государю, въ раздутыхъ фразахъ распубликованъ былъ приказъ министра путей сообщенія, послѣдствіемъ котораго явились соотвѣтствующіе отзывы и органовъ печати.

Селифоновымъ же учреждено дежурство изъ 8 лицъ для приема и записки пакетовъ, во вновь придуманные имъ реестры, съ возложеніемъ на это дежурство новой обязанности — обходить ночью всѣ комнаты въ зданіи министра путей сообщенія, осматривая, убраны ли дѣла, заперты ли шкафы и не выплываютъ ли инсари справокъ изъ дѣлъ для частныхъ лицъ; естественнымъ результатомъ такого ночнаго хожденія по всему зданію министерства путей сообщенія съ огнемъ и даже съ напирасами полусошныхъ дежурныхъ былъ пожаръ архива, гдѣ сгорѣло нѣсколько тысячъ дѣлъ, цѣнныхъ плановъ и важныхъ историческихъ документовъ. Послѣ пожара, бѣда за бѣдой стряхнулась надъ замѣчательною государственною головою Селифопова. Отъ министра юстиціи поступило заключеніе о преданіи суду товарища министра путей сообщенія Селифопова, начальника управленія шосейныхъ и водныхъ сообщеній, князя А. П. Щербатова, дѣлопроизводителя того же департамента, статскаго совѣтника Россета и купца Пенякова за злоупотребленія по капитальному ремонту Харьковскаго шоссе. Хотя вполнѣ было констатировано, что всѣ вышеименованныя должностныя лица получили взятки отъ купца Пенякова за составленіе кондицій контракта по ремонту харьковскаго шоссе, крайне выгодныхъ для контрагента и крайне убыточныхъ для казны, въ какомъ смѣслѣ были приготовлены и всенеподданнѣйшій докладъ, но, неизвѣстно почему, этому дѣлу не данъ былъ дальнѣйшій ходъ и оно не было доведено до судебнаго разбирательства. Вѣроятно, потому, что всѣ причастныя къ этому дѣлу лица вышли изъ министерства путей сообщенія; сначала покинулъ свой постъ начальникъ управленія шосейныхъ и водныхъ сообщеній, князь А. П. Щербатовъ, оставивъ на память груду векселей въ рукахъ разныхъ контрагентовъ и подрядчиковъ, производившихъ работы по шосейнымъ и воднымъ путямъ. Обыкновенно векселя князя Щербатова дисконтировались при посредствѣ его подчиненныхъ, опредѣленныхъ имъ же на службу; черезъ князя Щербатова штатныя мѣста получала петербургская молодежь изъ богатой аристократической среды. Эти аристократы не только не несли никакого производительнаго труда, но даже не посѣщали вовсе департамента, къ празднику же Св. Пасхи награждались орденами или слѣдующими чинами, а въ полученіи опредѣленнаго имъ по штату жалованья только росписывались въ требовательныхъ вѣдомостяхъ и, затѣмъ, цѣлкомъ передавали его своему начальнику,

князю Щербатову. Однажды, одинъ изъ такихъ аристократовъ-чиновниковъ, нѣкто Воллярскій, не стѣнялся даже, поспѣлъ объ этомъ и курьеру, привезшему къ нему на квартиру жалованье. «Ты, братецъ мой, скажешь Воллярскій, мое жалованье и всѣ назначаемыя мнѣ денежныя пособія вези прямо къ князю Щербатову и передай отъ меня, чтобы онъ росписывался въ требовательной вѣдомости: «по довѣренности тако-го-то получить князь Щербатовъ»; такимъ образомъ, онъ избавитъ меня отъ хлопотъ посылать къ нему каждый разъ причитающееся мнѣ жалованье». Послѣ выхода изъ министерства путей сообщенія флигiera, князя Щербатова, вышелъ въ отставку и плутоватый статскій совѣтникъ Россетъ. Къ удивленію всѣхъ чиновниковъ, никто изъ нихъ не былъ преданъ суду за злоупотребленія по капитальному ремонту харьковскаго шоссе, и официальное заключеніе министра юстиціи по этому дѣлу оставлено безъ послѣдствій. Наконецъ, и скомеромитерованный по дѣлу Пенякова, статсъ-секретарь, сенаторъ Селифоновъ заявилъ, при своемъ отъѣздѣ въ отпускъ за границу, что онъ оставляетъ свой постъ товарища министра путей сообщенія. Тогда, на время его отсутствія, назначенъ былъ исправлять должность Селифопова членъ совѣта министерства путей сообщенія, тайный совѣтникъ Хмельницкій*). О немъ заготовленъ былъ всенеподданнѣйшій докладъ о назначеніи его на должность товарища министра путей сообщенія. Изъ послѣдняго факта дѣйств. статс. сов. Нероновъ увидѣлъ, что близкому другу своему, директору канцеляріи министра путей сообщенія, Жемчужникову, не удалось продѣлать въ товарищи министра, при каковомъ, повышеніи Жемчужникова, Нероновъ надѣялся занять мѣсто директора канцеляріи. Получивъ полнѣйшее фiasco, юркій проходимецъ Нероновъ, тотчасъ сообщаетъ старинному своему патрону, тайному совѣтнику А. М. Гюббенету объ открывающейся вакансіи. При содѣйствіи бывшаго министра финансовъ, Абазы, Гюббенетъ получилъ нынѣ занимаемую имъ должность товарища министра путей сообщенія. Вѣроятно, изъ чувства благодарности за современное сообщеніе вѣсточекъ о вакансіи, Гюббенетъ не только индифферентно относился ко всѣмъ продѣлкамъ Неронова, но вполнѣ ему потворствуетъ, какъ это видно изъ его распоряженія по поводу наглой перевозки на дачу къ Неронову болѣе комфортабельной казенной мебели и лучшихъ стѣнныхъ и столовыхъ часовъ изъ зданія министерства. Объ этомъ было сказано товарищу министра; послѣдній, для успокоенія умовъ, назначилъ изъ лицъ, болѣе частью преданныхъ Неронову, комиссію для повѣрки казеннаго имущества подъ предѣлительствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чаруковскаго**), который на первомъ же за-

*) Тайный совѣтникъ Хмельницкій занималъ продолжительное время должность директора департамента желѣзныхъ дорогъ и пажилъ миллионное состояніе при выдачѣ желѣзнодорожныхъ концессій.

**) Чаруковскій, при содѣйствіи Неронова, получилъ мѣсто директора отъ правительства на одной изъ желѣзныхъ дорогъ, о чемъ я уже писалъ въ прошломъ моемъ очеркѣ.

сбдании замѣтилъ объ обязанности комиссiи не входить въ подробности такого дѣла, старался выгородить Федора Петровича Неронова изъ непрiятнаго положенiя, чего также желаетъ и товарищъ министра, — добавилъ податливый председатель комиссiи. Чиновники не сомнѣвались въ такомъ желанiи филогiна и ловеласа. Такимъ именами они обыкновенно называютъ Гюббенста за его пеногасящую еще страстишку къ женщинамъ.

Всегда находчивый и способный, путевскiй Фигаро до тонкости изучилъ женское сердце; онъ даже сумѣлъ найдти слабую струнку и у жены министра путей сообщенiя. Говорятъ, Розалiя Ипполитовна Посыетъ, при посредствѣ тонкаго Неронова, весьма удачно ведетъ спекулятивные денежные операцiи. Послѣднiй же дѣйствительно принимаетъ живѣйшее участiе въ дѣлахъ банкирской конторы Мейера (помѣщающейся на набережной Большой Невы у Николаевского моста), какъ это видно, изъ слѣдующихъ примѣровъ: во первыхъ, по приказанiю Неронова, канцелярiей министра путей сообщенiя отправлена казенная негласная сумма вѣдомства путей сообщенiя на храненiе въ банкирскую контору Мейера, хотя, казалось-бы, цѣлесообразнѣе подобную сумму хранить въ главномъ казначействѣ; во вторыхъ, на ежегодно дѣлаемые инженерами обязательные взносы въ эмеритальную кассу инженеровъ путей сообщенiя, для усиленiя фонда этой кассы, приобрѣтаются разныя процентныя бумаги, которыя тоже, по приказанiю Неронова, покупаются только въ конторѣ Мейера; въ третьихъ, поступавшiя въ канцелярiю министра путей сообщенiя пожертвованiя на повозки для раненыхъ въ минувшую войну до 30 тыс. руб. хранилось въ той же конторѣ Мейера; вообще, всякiя денежные операцiи вѣдомства путей сообщенiя, по настоянiю Неронова, производятся исключительно въ банкирской конторѣ Мейера; даже на дняхъ написана оффиціальная бумага въ особую канцелярiю по кредитной части, въ которой канцелярiя министра путей сообщенiя указываетъ на «весьма удобную» банкирскую контору Мейера для разныхъ заграничныхъ кредитовъ вѣдомства путей сообщенiя.

Затѣмъ, перейдемъ къ дѣятельности чиновъ департамента желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ во главѣ директора, инженера — тайнаго совѣтника Жбуравскаго, вполнѣ сумасшедшаго челоуѣка, помѣшавшагося на ученiи о спиритизмѣ. Это въ своемъ родѣ крайне интересный субъектъ, интересующiйся болѣе сенсационными спиритовъ, нежели текущими дѣлами вѣреннаго ему департамента, всегда задумчивый, безпрерывно отмахивающiй правой рукой для отстраненiя дурныхъ мыслей, навѣваемыхъ злыми духами; духи злые и добрые всюду ему представляются, онъ любитъ съ ними бесѣдовать на — единѣ, а потому всегда сердится, когда прерываютъ его спиритическiя занятiя и размышленiя. При такомъ положенiи, онъ охотно на все соглашается, а потому не трудно было Неронову переставить въ канцелярiю министра путей сообщенiя и дѣла департамента желѣзныхъ дорогъ по вознагражденiю частныхъ владѣльцевъ за ихъ земли, отошедшiя подъ желѣзные дороги. Эти неоконченные и умысленно

затянутые частныя иски владѣльцевъ съ неудовольствiемъ передаются чинами департамента желѣзныхъ дорогъ: такiя хлѣбныя, по ихъ выраженiю, дѣла были единственными въ настоящее время источниками ихъ доходовъ и служили имъ какъ бы слабою утѣхою послѣ минувшаго золотого періода, когда концессионеры, въ родѣ Полякова и Губонина, сыпали милiоны чинами департамента желѣзныхъ дорогъ и министерства финансовъ за полученiе концессiи на проведенiе большихъ желѣзнодорожныхъ линiй; въ этотъ золотой періодъ не одинъ только концессионеры да чины министерствъ путей сообщенiя и финансовъ набивали карманы, но получали также дорогiе подарки и крупныя денежныя куши и балетныя корифеи, содержавши влiятельныхъ особъ, министровъ, за содѣйствiе въ доставленiи извѣстному лицу желѣзнодорожной концессiи. Послѣ золотого періода наступилъ серебряный періодъ, въ которомъ тоже не мало милiоновъ казенныхъ денегъ разошлось по разнымъ рукамъ въ видѣ правительственныхъ субсидiй, выдаваемыхъ при содѣйствiи тѣхъ же чиновъ департамента желѣзныхъ дорогъ и министерства финансовъ разнымъ спекуляторамъ на приспособленiе ихъ заводовъ къ устройству на нихъ русскихъ паровозовъ, вагоновъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей; говорятъ, иногда такiе спекуляторы, получивъ отъ казны громадныя ссуды на приспособленiе заводовъ, тѣмъ и заканчивали это дѣло, оставляли казнѣ нигуда негодные заводы, подѣ обезпеченiе которыхъ выдавались правительственныя ссуды. Но затѣмъ и этотъ довольно крупный источникъ наживы изсякъ; тогда высшiе чины управленiя желѣзныхъ дорогъ заняли открывшiйся вакансiи чиновъ совѣта министерства путей сообщенiя, другiе зачислились по министерству съ сохраненiемъ получаемого ими содержанiя, а менѣе требовательные, не такъ честолюбивые сочли за лучшее съ награбленными капиталами выйти въ отставку, получивъ при этомъ наупусленнѣйшiя пенсiи за безпорочную службу. Послѣднему примѣру слѣдовали также и младшiе столоначальники изъ писарей: Корольковъ и Овчинниковъ, хваставшiеся съ писарскою развязностью, что они, благодаря своему уму, сумѣли нажить на службѣ такiе капиталы, которые дали имъ возможность стать солидными петербургскими домовладѣльцами.

Изъ дѣятельности обновленнаго персонала управленiя желѣзныхъ дорогъ не безынтересны слѣдующiе хищническiе факты: правленiю Московско-Врестской желѣзной дороги выдана была ссуда на усиленiе средствъ дороги. По окончанiи работъ, израсходована сумма менѣе той, какая предназначалась по утвержденной разѣлочной вѣдомости; оставалось неизрасходованныхъ 150 тыс. рублей. Правленiе Московско-Врестской желѣзной дороги, совмѣстно съ инспекторомъ этой дороги и завѣдывающимъ техническо-инспекторскимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, вновь пересоставили разѣлочную вѣдомость съ такимъ расчетомъ, чтобы итогъ расхода сходилъ бы съ размѣромъ ассигнованной ссуды. Оформивъ надлежащимъ образомъ это дѣло, остатокъ въ 150 тыс. руб. раздѣленъ

былъ между вышеупомянутыми лицами; завѣдывающiй техническо-инспекторскимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, инженеръ — дѣйствительный статскiй совѣтникъ, Колотриновъ, получилъ при этомъ раздѣлѣ 40 тыс. руб. Говорятъ, что контрольный чиновникъ, пѣго дѣйствительный статскiй совѣтникъ, Хитрово, попалъ по документамъ на слѣдъ пересоставленiя разѣлочной вѣдомости, но, по общепринятому порядку, дѣло не выплыло наружу, а кануло въ вѣчность.

Характерно, что нѣсколько опытные инженеры вслѣдствiе избѣгаютъ занимать неподходящiя штатныя должности и частныя мѣста въ желѣзнодорожныхъ обществахъ, почитая болѣе практичнымъ числиться при департаментѣ или при техническо-инспекторскомъ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, хотя бы безъ содержанiя, знакомясь и изучая желѣзно-дорожныя дѣла. Отъ такого теоретическаго изученiя они переходятъ, затѣмъ, къ выгоднымъ практическимъ цѣлямъ; такъ, напр., нѣкто инженеръ — статскiй совѣтникъ Романовскiй, состоя безъ содержанiя при техническо-инспекторскомъ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, изучалъ дѣла, затѣмъ, завѣдывалъ отдѣломъ по усиленiю средствъ желѣзныхъ дорогъ во время минувшей войны, составлялъ различныя вѣдомости на подвижной составъ, по самое энергичное участiе принималъ при покупкѣ Закомъ Ландварово-Роменской желѣзной дороги; за участiе и полное содѣйствiе въ этомъ дѣлѣ получилъ онъ 250 тыс. руб., на которые купилъ домъ въ Петербургѣ. Въ настоящее время Романовскiй занимаетъ должность директора Ландварово-Роменской желѣзной дороги съ жалованьемъ по 15 тыс. руб. въ годъ.

Теперь перейдемъ къ бѣглому обзору распределенiя труда между лицами, составляющими наличный персоналъ вѣдомства путей сообщенiя.

Вообще, весь чиновничiй трудъ въ вѣдомствѣ путей сообщенiя лежитъ исключительно на помощникахъ дѣлопроизводителей (столоничальникахъ*) и канцелярскихъ чиновникахъ (помощникахъ столоничальниковъ). Первые изъ нихъ обыкновенно составляютъ: всенеподданнѣйшiе доклады, представленiя въ государственный совѣтъ, въ комитетъ министровъ, доклады министру, разныя отношенiя для сношенiя съ правительственными, частными общественными учрежденiями и разными лицами; вторые облегчаютъ трудъ первыхъ и, кромѣ того, ведутъ журналы, реэстры бумагамъ, докладамъ и справкамъ. Вполнѣ законченная работа столоничальника представляется дѣлопроизводителю (начальнику отдѣленiя), который ее затѣмъ подписываетъ и передаетъ директору; послѣднiй нѣкоторыя бумаги разрѣшаетъ предоставленной ему властью, другiя же подписываетъ и отсылаетъ министру; на докладахъ обыкновенно министръ дѣлаетъ пометку «согласенъ», отношенiе подписываетъ и возвращаетъ обратно въ департаментъ.

*) Должности помощниковъ дѣлопроизводителей занимаютъ и инженеры въ техническо-инспекторскихъ комитетахъ желѣзныхъ дорогъ, шоссейныхъ и поданныхъ сообщенiй, въ которыхъ разсматриваются исключительно техническiе вопросы вѣдомства путей сообщенiя.

Разъ въ недѣлю является директоръ съ личнымъ докладомъ къ министру, для узнавiя отъ него мнѣнiй по поводу вновь поступившихъ болѣе серьезныхъ вопросовъ; мнѣнiя министра директоръ передаетъ дѣлопроизводителю, дѣлопроизводитель столоначальнику, послѣднiй руководствуется ими при исполненiи. Впрочемъ, нѣкоторые дѣлопроизводители сами составляютъ бумаги,—это бываетъ только тогда, когда дѣлопроизводитель имѣетъ у себя ненадежныхъ, некомпетентныхъ столоначальниковъ, опредѣляемыхъ на службу обыкновенно по протекции директора; болѣею же частью дѣлопроизводители только подписываютъ бумаги, получая содержанiя по 3000 руб. въ годъ, а истинные труженники, столоначальники, отъ 1200 до 1500 руб. въ годъ. Канцелярскiе чиновники получаютъ жалованья отъ 200 до 800 руб. въ годъ. Затѣмъ, чины, получающiе содержанiе болѣе дѣлопроизводительскаго (3000 р.), обыкновенно не только не несутъ никакого производительнаго труда, но даже съ большимъ трудомъ подписываютъ бумаги. Такiе чины занимаютъ должности членовъ совѣта министерства путей сообщенiя; преимущественно это полуразвалившiяся, едва движущiяся мумiи, вслѣдствiе своего старческаго болѣзненнаго состоянiя дошедшiя до идиотства; они пользуются на службѣ правомъ несмѣлности, получаютъ громадныя содержанiя отъ 12.000 до 7000 руб. въ годъ до гробовой доски. Въ совѣтѣ разсматриваются сложныя вопросы, по которымъ министръ желаетъ знать отзывы компетентныхъ людей. Могутъ ли быть такими людьми выжившiе изъ ума, дряхлые восьмидесятилѣтнiе старцы въ вопросахъ иногда новѣйшей техники, современно-научныхъ? Казалось бы, цѣлесообразнѣе поручить разсмотрѣнiе такихъ вопросовъ въ собранiяхъ директоровъ, инженеровъ, завѣдующихъ специальными отдѣлами, людей дѣла, знакомыхъ съ современнымъ положенiемъ вещей. Впрочемъ, журналы совѣта министерства путей сообщенiя составляютъ также столоначальники, они же и придерживаютъ полуокочевѣвшiя, дрожащiя отъ старости руки членовъ совѣта при подписанiи ими этихъ журналовъ, чѣмъ и заканчиваютъ свои священнодѣйствiя путейскiе старцы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ курьеры, сторожа поднимаютъ съ кресель, уносятъ изъ залы засѣданiя и почти на рукахъ несутъ по парадной лѣстницѣ вплоть до кареты. Такимъ нѣсколько торжественнымъ способомъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, проводится въ зданiи министерства путей сообщенiя эта нигуда негодная, но блестящая, покрытая звѣздами чиновничья изношенная рухлядь. Другiе же путейскiе старцы и всякiе архи-ретрограды, отстраненные отъ высшихъ должностей, за немнѣнимъ вакансiй въ совѣтѣ, зачисляются, съ сохраненiемъ прежде получаемыхъ ими павысшихъ окладовъ, по министерству подъ названiемъ штатныхъ, сверхштатныхъ инженеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Такiе архи-ретрограды преимущественно назначаются членами разныхъ высочайше утвержденныхъ комиссiй и комитетовъ при министерствѣ путей сообщенiя. Извѣстно, что эти комиссiи и комитеты, существуя десятки лѣтъ, не приходить ни къ какимъ положительнымъ прак-

тическимъ результатамъ. По моему мнѣнiю, они даже и не могутъ прiйти къ такимъ результатамъ, такъ какъ, болѣею частью, члены комиссiй въ продолженiе всей своей службы никогда самостоятельно не работали и всегда выѣзжали на трудахъ столоначальниковъ, и вдругъ, подъ старость, отъ нихъ требуютъ серьезнаго практически-критическаго ума, а иногда современно-научныхъ познанiй! Къ непроизводительной категорiи слѣдуетъ отнести и чиновниковъ особыхъ порученiй при министрѣ путей сообщенiя. Это болѣею частью камергеры, любезно болтающiе на французскомъ и ничего не дѣлающiе на русскомъ диалектѣ; хотя камергерамъ министръ и поручаетъ иногда дѣла, но они ихъ почти вовсе не разсматриваютъ. Такъ, напр., десятками лѣтъ камергеры составляютъ проекты новыхъ штатовъ подвѣдомственныхъ учрежденiй министерству путей сообщенiя. Такiя учрежденiя пользуются штатами еще 1843 года; мѣстные чины получаютъ незначительныя старыя оклады, нѣкоторые чиновники получаютъ жалованья не болѣе 200 руб. въ годъ. Такiе оклады не соответствуютъ современному положенiю жизненныхъ условiй, о чемъ многократно заявляли мѣстные правленiя округовъ путей сообщенiя. — Десятки лѣтъ ждутъ также отзывы, составляемыхъ чиновниками особыхъ порученiй при министрѣ, бывшiе подрядчики Кузьминъ, Ненюковъ и К^о, по неполному удовлетворенiю ихъ казною за земляныя работы по устройству полотна Николаевской желѣзной дороги. Иногда, по энергическому постоянному просителю, дѣла отъ камергеровъ отбираются и разсматриваются въ подлежащемъ департаментѣ. — Къ непроизводительной категорiи должно отнести лицъ, занимающихъ должности вице-директоровъ, нѣкоторыя должности техническо-инспекторскихъ комитетовъ желѣзныхъ дорогъ, шоссеиныхъ и водныхъ сообщенiй. Прибавьте къ этому созданнымъ по инициативѣ адмирала Посета, совершенно безполезныя учрежденiя: навигацiонно-ошпенную комиссiю, инспекцiю судоходства по рѣкамъ Россiи и секретарскую часть министра путей сообщенiя *). Въ подвѣдомственныхъ министерству путей сообщенiя учрежденiяхъ есть также много лицъ, получающихъ значительныя содержанiя и не несущихъ никакого производительнаго труда. Уничтоживъ въ вѣдомствѣ путей сообщенiя всѣ должности, созданныя не для дѣла, а для лицъ, въ итогѣ получится громадное сбереженiе и бюджетъ расходовъ по министерству путей сообщенiя представится сравнительно въ весьма скромной цифрѣ.

Говорятъ, на дняхъ долженъ иройти черезъ совѣтъ министерства вновь составленный проектъ штатовъ центральныхъ учрежденiй министерства путей сообщенiя. Нѣтъ сомнѣнiя, что эти новые, нѣсколько измѣненные штаты, по существу своему, будутъ вполне тождественны со старыми штатами. Состав-

*) О первыхъ двухъ учрежденiяхъ подробно изложено мною въ первомъ моемъ очеркѣ; секретарская часть занята исключительно вырѣзкою газетныхъ статей о министерствѣ путей сообщенiя и наклеиванiемъ ихъ на чистый листъ, о чемъ я тоже упоминалъ во второмъ очеркѣ.

лены они лицами вполне некомпетентными *). Болѣе цѣлесообразно было бы поручить составленiе новыхъ штатовъ собранiю опытныхъ столоначальниковъ, директоровъ и инженеровъ, завѣдывающихъ специальными отдѣлами. Выработанные ими новые штаты ни въ какомъ случаѣ не должны бы поступать на разсмотрѣнiе совѣта министерства путей сообщенiя, какъ инстанцiи не только лишней, но долженствующей прежде другихъ быть уничтоженною.

Заканчивая очеркъ о путейскихъ хищничествахъ, я считаю долгомъ повторить уже сказанное мною въ первомъ моемъ очеркѣ, что всѣ вышеуказанные мною факты извѣстны болѣею частью только чинамъ вѣдомства путей сообщенiя, многiе изъ нихъ заимствованы изъ официальныхъ документовъ, слухи же подтверждались и исходили изъ разныхъ источниковъ, служили обычной бесѣдою чиновъ центральныхъ учрежденiй министерства путей сообщенiя. Дѣла хищничества, какъ дѣла темныя, грязныя, тщательно скрываются лицами, ихъ совершающими. Въ полной наготѣ такiя безправственныя дѣлiя рѣдко выполняютъ на свѣтѣ божiй, но достаточно и указанныхъ мною фактовъ, которые не только помогутъ дорисовать въ воображенiи читателя надлежащее представление о современномъ персоналѣ вѣдомства путей сообщенiя, но и съ достаточною точностью опредѣлить искреннiя и задушевныя желанiя техническо-ученой и не образованной специально интеллигенцiи вѣдомства путей сообщенiя, направляемой опытною рукою государственнаго мужа, обладающаго-де развитымъ умомъ, обогащеннымъ ученостью, какъ съ давняго времени говорятъ объ адмиралѣ Посетѣ. Искренно желалъ бы, чтобы мой слабый очеркъ послужилъ для другихъ примѣромъ къ изображенiю надлежащихъ иллюстрацiй другихъ вѣдомствъ. Такiя иллюстрацiи могли бы раскрыть вполне реальную картину не только дѣятельности начальствующихъ современныхъ лицъ, фактовъ хищничества, но и созданные ими искусные и иногда почти неуловимые способы систематизированнаго хищничества, развитаго самою системою нынѣ существующаго бюрократическаго правленiя. Такiя иллюстрацiи, давъ, во первыхъ, наглядный картинный итогъ, доступный пониманiю всякаго мыслящаго человѣка, о несостоятельности нынѣ существующаго бюрократическаго правленiя, послужили бы къ устраненiю такихъ золъ въ будущихъ формахъ правленiя, которыя болѣе пытливей будутъ удовлетворять нравственнымъ идеаламъ справедливости и потребностямъ современнаго общества. Надо устроить такъ, чтобы всякiй честный трудъ находилъ законныя гарантiи и чтобы человѣкъ не побуждался фатально къ преступнымъ хищническимъ стремленiямъ, оправдывая себя иногда необходимостью поскорѣ набить свой карманъ и выйти изъ службы обезнеченнымъ, когда потребуютъ того такiе бичи чиновниковъ, какъ Нероновъ. Даже и въ настоящее время въ средѣ чиновниковъ есть такiя честныя натуры, которыя не соблазняются ни

*) Новые штаты составлены дѣйст. ст. сов. Нероновымъ, сирipотомъ Журавскимъ и чиновниками особыхъ порученiй при министрѣ путей сообщенiя.

представляющей собой полную возможность к неправильной наживе, ни соблазнительно перспективно вполне обеспеченного будущего положения, а находят в честном труде истинное свое счастье и спасение. Обыкновенно такие честные труженики большого частью оканчивают весьма печально свою жизнь, когда над ними раздается нахально-повелительный голос бича, требующий немедленного удаления со службы. Один из них, пораженный таким неожиданным ударом, падает и почти моментально умирает, — так умер в прошлом году коллежский советник Знаменский в кабинете директора канцелярии министра путей сообщения, другие сходят с ума, как сопел с ума коллежский советник Городецкий по объявлении ему роковой для него резолюции Нероновым; третьи оканчивают самоубийством, четвертые нищенством и проч. Все подобные исходы весьма естественны для таких честных тружеников, которые всею душою преданы были своему делу, труду, считали даже напрасно потерянным временем частные разговоры с сослуживцами и избегали из гордости и по неимению свободного времени всяких покровительствующих знакомств. Вместо с реформой высшего управления России на началах политической свободы, которая одна может, если не уничтожить сразу, то ограничить всякие хищения, — необходимо произвести и реформу административного ее устройства так, чтобы не повторялись ни подобные этим случаем, ни описанное выше несправедливое разделение труда и вознаграждения между работниками и дармоедами, стоящими около административной машины, ни охарактеризованное нами самодержавие начальников и министерских временщиков и фаворитов, этих канцелярских царьков, которые олицетворяют для всех, кто осужден иметь с ними дело, — верховную безконтрольную власть, стоящую над народами России.

Владимировъ.

БОРЬБА ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ ВЪ АВСТРИИ.

(Письма изъ Вены).

I.

Обыкновенно думают, что Австрия — классическая страна национальных препирательств и что борьба национальностей заглушает в ней все другие вопросы и особенно не дает достаточно развиться партиям социально-экономическим. На первый взгляд это совершенно справедливо. Нигде, может быть, в целом свете вопросы национальные не производят столько шума, как в Австрии. Особенно теперь, когда настало «министерство соглашения» г. Таафе, борьба национальностей дошла до чрезвычайной силы. Но, при внимательном анализе, оказывается, что и прежде и теперь суть борьбы лежит именно в повидному загнанных на последний план социальных и экономических интересах и что вопросы чисто-национальные только орудие, или лучше сказать, одна из побочных манифестаций борьбы социальной.

Когда буржуазия, немецкая, или опфемеченная, называющая себя либеральной и называемая у нас врифе «Verwaltungsrathspartei», партия железнодорожных тузов, банкиров и крупных предпринимателей и промышленников, выдвигает на первый план интересы национально-немецкие, — то это вовсе не из немецкого патриотизма, но потому что, под плащом «борьбы за немецкую культуру», ей

наилегче и наиболее выгодно защищать свои интересы и эгоистические претензии крупного капитала. Если партия клерикально-федеральная, т. е., партия крупных землевладельцев, старается защищать права меньших национальностей, то это потому, что она слишком слаба, чтобы удерживаться перед могучею буржуазией и должна искать опоры у народов славянских, которые добиваются равноправности с немцами.

По мере того, как национальности получают права и вопросы национальные теряют свое значение, как орудие в борьбе между двумя названными великими партиями, которые добиваются исключительного господства над государством и рабочими классами, — обе партии должны искать других помощников и, лишь бы найти хоть минутную поддержку в борьбе с противником, повалить его и захватить в свои руки или удержать в них власть, начинают по немногу выдвигать вопросы рабочих классов: крестьян, мелких промышленников и городских рабочих, вопросы, от которых прежде они открепивались обильными руками. Таким образом, капиталисты-либералы, когда им это нужно, начинают защищать крестьян от помещиков-феодалов, а феодалы, когда им нужно, — защищают мелких помещиков и рабочих от либералов.

Конечно, и те, и другие вспоминают о соответственных чернорабочих классах, только чтобы пасолить своим противникам и, по миновании в них надобности, рады были бы и забыть о своих мгновенных протектах. Но теперь и в Австрии миновало время, когда «простой народ» можно было поворачивать, как бревно, в какую угодно сторону. Тот же самый ход развития экономического, который дал силу высшим классам, пробуждает и в низших классах сознание их классовых интересов, — а отсюда не далеко и до сознания необходимости самостоятельной организации для ограждения этих интересов.

Это сознание мы уже ясно видим в новейших проявлениях движения среди крестьян и городских рабочих в Австрии. Правда, что, если бы не было теперешней борьбы между политическими партиями высших классов, то это движение, быть может, шло бы медленнее и незаметнее. Но сказанная борьба скорее вывела его наружу.

Тем, кто бы удивился, почему это пародия массы в Австрии до сих пор не выступили совершенно самостоятельными партиями и не выдвинули энергичных деятелей, мы укажем на главную к тому причину:

В конституционной Австрии совсем нет политической свободы. Известно, что вопрос о свободе, которая должна была олицетвориться в конституции и действующем на ее основании парламенте, был поставлен в Австрии в революционное время 1848—1849 гг. Но в созданных тогда учреждениях с обращениях тотчас же возгорелась между партиями и нациями борьба за власть, вследствие которой каждая партия и нация, особенно привыкшая к господству (немцы в империи Цислейтании, — как венгры в Трансильвании, поляки в Галиции), заботилась больше о том, как бы упрочить за собою власть в центральных и областных учреждениях, нежели о том, чтобы установить основы общей свободы, которая не только могла бы ограничить всех от династического абсолютизма, только временно уступившего, но также клада бы пределы для всяких гегемонических поповзновений в данный момент господствующих партий и наций над их политическими противниками и соперниками. Среди этой борьбы восторжествовал абсолютизм с его бюрократическою сплетнею, которая, при данных тенденциях господствовавших во время революции партий, конечно, осталась почти не нарушенной. Страхнув с лица страны недокопченны парламентские будочки, абсолютизм пригласил своим, чисто бюрократическим, способом удовлетворить наиболее настоятельным нуждам, прорвавшимся наружу в революцион-

ную эпоху, — преимущественно социально-экономическим, не политическим, — в то же время подавляя всякую национально-политическую центробежную и либеральную поповзновения, — при чем, конечно, усовершенствовать бюрократическую машину даже еще больше против старого порядка. Конечно, с течением времени коса абсолютизма пахла на свой новый камень, в итальянскую войну 1859 г., после которой династия опять принуждена была вступить на дорогу конституционных уступок. После много ряда опытов, в период с 1860 по 1867 г., опытов, во время которых абсолютизм, или иначе бюрократия, обращался с предложением подлить бремя власти к разным национальным и политическим элементам, Австрия, наконец, устроилась надолго как конституционная держава дуалистическая, т. е. с двумя парламентами, причем в Цислейтании, о которой мы преимущественно говорим, династическая бюрократия подлилась властью сначала с немецкою буржуазией, которую поддержала за уступки власти в Галиции (над крестьянами вообще, и над русскими в частности) польская шляхта и польско-еврейская буржуазия. При таком компромисе бюрократическая система проиграла в сущности мало, а об истинной политической свободе, т. е., о свободе в самоуправлении лиц, групп, общин, областей и национальностей, нечего и говорить. Допущенная к пользованию властью, т. е. к участию в орудовании бюрократическою машиною центральною и ее областными подобиями, — партия, конечно думала не о том, чтобы ослабить или даже перестраивать эти машины, а о том, чтобы заставить их служить себе и направить их на своих политических и национальных противников и соперников *). Вот почему, редко где и когда административный произвол был столь пагублив (конечно, в известных пределах), как в период полного господства «либеральной» партии, во время «гибационной» министерства, установившегося вместо с конституцией 1867 г. Довольно будет указать хотя бы на количество конфискованных в то время журналов федеративной и феодальной славянской оппозиции. Конечно, подавлял в антрактах между пароксизмами немецко-буржуазной гегемонии феодальная оппозиция славянская, расправиться с ее соперниками их же оружием, которым она очень не брезгает и теперь, когда банкротство немецко-буржуазной партии сдвинуло ее господство.

При таком царстве административного произвола под покровом конституционализма, особенно трудно было организоваться самостоятельному крестьянскому и рабочему движению. Кто следил за этим движением в Австрии за последние 20 лет, тот знает, какими наглými способами либерально-немецкое министерство Гискры, а после него особенно министерство либерального же Ауершперга подавляло всякие попытки организации между рабочими. Каждая попытка схода рабочих кончалась тем, что полиция или не позволяла рабочим сходиться, или разогнала сходку, или только рыв касался какогонибудь животрепещущего для работников предмета. В случае оппозиции, — энергичные рабочие высылались на место родины (Polizeischub).

В новейшую «эру соглашения» под «феодалным» министерством Таафе наступили несколько иные порядки, — конечно, вовсе не потому, чтобы это министерство больше заботилось об интересах рабочих или о политической свободе, — а по политической необходимости. Выбитая из министерских кресел немецкая либерально-буржуазная партия, чтобы иметь право говорить за немецкий народ, должна была обратиться к немецким народным массам и поднимать их против фе-

*) Подробная история революции, парламентаризма и страдания истинной политической свободы в Австрии очень поучительна для публики в России, которая, как сожалели, ничего не имеет под рукою, но новейшей историей, кроме очень не полных и вовсе не объективных статей г. Спасовича.

одаловъ. Съ своей стороны, феодалы, понавивъ въ правительство, стали смотрѣть сквозь пальцы на сходки рабочихъ, на которыхъ говорились о различіи классовыхъ интересахъ чернокожихъ массъ и буржуазіи, и враждебная «либеральнымъ» политика консервативная и феодальная пресса подхватывала эти рѣчи, чтобы показать, что либералы-германизаторы не имѣютъ права выдавать себя за представителей всего нѣмецкаго населенія Австріи. Тогда и германизаторы пустились подбирать доказательства тому, что нѣмецкія массы не стоятъ и за министерство, и, во время обсуждения проекта закона о поземельной подати, стали собирать крестьянскіе митинги и заставили и министерскую партію дѣлать то же самое. Обѣ партіи надѣялись, что чернокожихъ массы, забитыя и политически неопытныя, легко станутъ орудіями для ихъ цѣлей. Но рѣзкій голодъ, который доносился до нихъ съ крестьянскихъ и рабочницкихъ митинговъ, разбилъ эти расчеты. Разъ пробужденныя, массы стали на самостоятельную дорогу. Крестьяне, которые выразили свое недовѣріе выбраннымъ имъ депутатамъ клерикальной партіи тѣмъ, что сдѣлали съ хоръ парламента за подачею голосовъ этимъ депутатами, въ то же время рѣшительно отвернулись отъ буржуазныхъ круговъ, отказавшись принимать въ свои сообщества (Bauernvereine) адвокатовъ, докторовъ, промышленниковъ и капиталистовъ. «Крестьяне будутъ стоять только за крестьянскіе интересы», — говорили они на всякомъ митингѣ и при всякомъ поводѣ. Работники, которые, отличаясь за недавній пріобрѣтеніи со стороны «либеральнаго» министерства, охотно вотиновали резолюціи противъ германизаторовъ и ихъ фальшиваго нѣмецкаго націонализма, не забывали прибавлять рѣшительно, что они также сами не вѣрятъ и теперешнему министерству и его экономической программѣ. «Работники будутъ стоять только за рабочницкіе интересы», говорили они въ паралель крестьянамъ.

Разушѣется, въ этомъ пробуждающемся движеніи много еще неяснаго и двусмысленнаго. Въ крестьянскомъ движеніи покажется не принимать участія сельскій пролетаріатъ, а только, такъ сказать, крестьянская аристократія, (Grossbauer), которая усиливается охранять себя отъ обращенія въ пролетаріевъ, отъ перехода въ руки капиталистовъ и банковъ. Это, въ сущности консервативное, движеніе, сходится съ подобнымъ же стремленіемъ родовой поземельной аристократіи, рядомъ съ которой крестьяне-землевладельцы усиливаются удерживать за собою землю, которою они теперь владѣютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руки сельскаго пролетаріата. Если бы феодаламъ удалось найти такую экономическую формулу, которая бы остановила обезземеливаніе разлагающейся крестьянской аристократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечила за нею преобладаніе надъ халунниками, коморниками и батраками, то начавшееся теперь движеніе крестьян-землевладельцевъ имѣло бы регрессивный конецъ. Движеніе среди сельскаго пролетаріата, если бы оно началось, имѣло бы тогда противъ себя не только дворянскую аристократію, но и крестьянскую, которая для него едва ли не самая опасная. Но такая формула еще пока не придумана, хотя пробы ея ищутся въ ходѣ въ литературѣ, и, быть можетъ, скоро начнутъ ихъ испытывать и на практикѣ. Таковы, напр., проекты барона Фогльшанга, редактора клерикальной «Oesterreichische Monatschrift für Gesellschaftswissenschaft». По этимъ проектамъ, подобно тому, какъ послѣ 1848 г. была выкуплена казна (на счетъ податей) барщина, такъ теперь должны быть выкуплены заложенные крестьянскія земли на счетъ должниковъ, но подъ контролемъ общины или уѣздныхъ корпорацій, и при этомъ крестьяне должны быть прикрѣплены къ землѣ, которую они не могутъ имѣть права ни продать, ни заложить, ни раздѣлять между дѣтьми.

Но, такъ какъ врядъ ли можно въ настоящее время провести это новое крѣпостное право, которое клерикальный экономистъ называетъ

«новымъ освобожденіемъ земли» (Grund-entlastung), а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ врядъ ли тоже возможно какими нибудь наплативами остановить столь быстро развивающійся процессъ задолжанія и обезземеливанія крестьянъ, то можно надѣяться, что движеніе крестьянъ-землевладельцевъ перейдетъ и къ халунникамъ и сойдется съ движеніемъ фабричнаго пролетаріата, отъ котораго крестьяне теперь еще держатся въ сторонѣ.

Несомненно также пока и движеніе среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Изъ резолюцій, принятыхъ на митингахъ, видно, что между этими рабочими еще нѣтъ ни организаціи, которая бы стройно вела всю массу рабочихъ, ни ясно выработанной программы. Но то и другое еще только готовится. И за то въ этомъ хаотическомъ состояніи движенія есть и свои хорошаго сторона: движеніе держится за конкретныя, будничныя явленія жизни рабочихъ и понятно даже для наименѣе образованныхъ индивидуумовъ, и то, что оно, теряясь на качествахъ своихъ идей, выигрываетъ на количествѣ своихъ участниковъ.

Всѣ эти особенности рабочаго движенія показали себя на недавнихъ стачкахъ рабочихъ въ коняхъ каменнаго угля въ Богеміи; этимъ стачкамъ мы и посвящаемъ слѣдующее писемъ.

В. Мак.

КАПИТАЛИЗМЪ ВЪ РОССИИ.

Несколько глубоки тѣ корни, которые пушены капитализмомъ въ почву русскаго народнаго труда и какое ближайшее будущее предстоить въ этомъ отношеніи Россіи, такъ какъ главные вопросы, которымъ посвящена недавно вышедшая въ свѣтъ интересная книга В. В. «Судьбы капитализма въ Россіи». Спб. 1882. Господствующія въ настоящее время мнѣнія по этому предмету авторъ дѣлитъ на нѣсколько направлений, но считаетъ ихъ всѣ одинаково не вѣрными. Первое направленіе находитъ, что дальнѣйшее развитіе въ Россіи капитализма есть совершенно неизбежный и неотвратимый фактъ, съ которымъ не слѣдуетъ бороться, а нужно ожидать результатовъ его приложенія, какъ бы они ни были тяжелы на первыхъ порахъ, зная, что это есть единственный и всеобщій путь развитія, который, по мнѣнію однихъ представителей этого направленія, самъ заканчиваетъ зданіе, а по мнѣнію другихъ, послужитъ только переходной ступенью къ новому экономическому порядку вещей. Второе направленіе опираетъ свои надежды на существующую общину и на будущее ея развитіе. Но оно, къ сожалѣнію, упускаетъ изъ виду многія явленія, прямо противорѣчащія этому развитію, какъ обезземеленіе крестьянъ, разрушеніе общинной связи, возникновеніе въ народѣ эгоизма, ростъ спекуляціи, — который, повидимому, указываютъ на то, что наше дальнѣйшее развитіе идетъ въ направленіи капитализма. Третье направленіе требуетъ рѣшенія вопроса, сообразуясь съ фактами, причемъ окажется, что капитализмъ не успеетъ всецѣло поглотить общину, но и не оставитъ ее невредимой. Это направленіе считаетъ вполне мыслимымъ въ Россіи періодъ мануфактуры, а также и машинной индустріи, благодаря легкой возможности нользованія механизмами новѣйшей конструкціи. Самъ авторъ склоняется въ пользу невозможности развитія капиталистическаго производства въ Россіи, хотя не отрицаетъ развитія у насъ капитализма, какъ формы и степени

эксплуатаціи народнаго труда. Очевидно, говорить онъ, что вмѣстѣ съ невозможностью развитія въ Россіи капиталистическаго производства (хотя бы капитализмъ въ широкомъ смыслѣ слова и занял всю страну) терять свои корни и подражаніе (?) исторіи политическаго развитія запада; послѣднее должно пойти у насъ много отличнымъ путемъ. Это потому, что у насъ нѣтъ особаго класса, который, какъ въ Европѣ, вынесъ бы на себя программу политической свободы. Если у насъ въ будущемъ образуется классъ крупныхъ землевладельцевъ и кулаковъ-скупщиковъ, то ни тотъ, ни другой изъ нихъ, основывая свое вліяніе на грубой эксплуатаціи народа, не почувствуетъ надобности въ наукѣ и въ свободѣ; онъ никогда не образуетъ изъ себя партіи, сильной экономически и страстно стремящейся къ осуществленію своихъ политическихъ идеаловъ. Существующая власть не будетъ имѣть въ обществѣ противника, который вынуждалъ бы ее на уступки либерализму; эти уступки власти можетъ сдѣлать добровольно, но свобода общества и въ этомъ случаѣ будетъ фиктивна, такъ какъ столь же легко изорвать клочекъ бумаги, «хартію свободы», какъ и подарить его. Не имѣя солиднаго противника въ обществѣ, наша власть можетъ не опасаться тѣхъ факторовъ прогресса, съ которыми вели непрестанную войну западно-европейскія правительства. Такъ, напр., наша власть можетъ безъ всякаго опасенія (?) пользоваться свободой слова, какъ единственнымъ средствомъ знать истинное положеніе дѣлъ при существующемъ и еще надолго (?) исключительно возможномъ государственномъ устройствѣ. Благодаря невозможности развитія въ Россіи капиталистическаго производства, европейскій конституціонный либерализмъ терять у насъ всякое значеніе, и прогрессивные дѣятели, проповѣдывающіе принципы такового, явились у насъ только вслѣдствіе невыработанности экономическаго міросозерцанія, вслѣдствіе того, что требующій своего отскакиа законъ экономическаго развитія нашей родины былъ а priori признанъ тождественнымъ съ закономъ развитія западнаго общества. На западѣ власть могла смѣло поддерживать буржуазію, которая организовала промышленность, увеличила производительную силу труда и тѣмъ создала новые источники для финансоваго обложенія; въ Россіи роль буржуазіи, не ведя за собою организаціи крупнаго производства, дастъ лишь усиленную эксплуатацію народнаго труда, подрывая этимъ финансовый источникъ государства; поэтому, кулачество, бывшее въ Европѣ первою истинною грандіознаго капиталистическаго порядка и потому вызвавшее къ себѣ сипатіи власти, русскимъ правительствомъ считается зломъ (?), съ которымъ неизбежно бороться.

При безднѣ противорѣчій въ русскомъ экономическомъ положеніи, говоритъ авторъ, направленіе его еще не выяснилось, и, между тѣмъ, было бы хорошо и очень важно стараться объ уясненіи его. До тѣхъ поръ по этому предмету еще ничего не сдѣлано, главнымъ образомъ, вслѣдствіе поразительнаго легкомыслія, съ какимъ наше общество относится къ окружающимъ его явленіямъ, а

также разношерстности взглядовъ и теорій. Спрашивается, есть ли необходимость для Россіи повторять всецѣло исторію западнаго промышленнаго развитія? Въ чемъ нужно видѣть законъ: въ развитіи ли крупной промышленности, какимъ бы способомъ оно ни произошло, или же въ социализации труда не иначе, какъ капиталистическимъ способомъ, въ неизбѣжности народному производству пройти сквозь тиски капиталистическаго? Имѣя въ виду тенденцію капиталистическаго производства къ безмѣрному возрастанію, можно съ большимъ вѣроятіемъ предсказать, что, чѣмъ поздиѣ начнетъ какая либо страна развиваться въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ труднѣе завершить ей это развитіе капиталистическимъ путемъ. Многіе изъ соперниковъ гораздо опытнѣе и рынки для всѣхъ не достанетъ. Въ западной Европѣ переходъ въ капитализацию совершался, сравнительно говоря, постепенно, въ тѣхъ же странахъ, гдѣ можно сразу воспользоваться послѣдними изобрѣтеніями, это далеко не такъ. Изъ двухъ послѣдствій развитія капитализма въ Россіи выступаетъ на первый планъ не столько освобожденіе рабочихъ отъ средствъ существованія, или ихъ обезземеленіе, сколько ихъ обѣднѣніе. Если же крупное капиталистическое хозяйство станетъ здѣсь расти съ трудомъ и столь медленно, что не успеетъ побить кустарный промыселъ, то развитіе общественной формы труда, быть можетъ, приметъ иное направленіе. Прежде всего развитію капитализма препятствуетъ у насъ дешевизна труда. Вновь возникающій капитализмъ можетъ добиться лишь устраненія иностранныхъ товаровъ съ внутренняго рынка и, самое большее, побить внутреннее мелкое производство. Такимъ образомъ, если только крупное капиталистическое производство охватитъ всѣ области внутренняго труда, оно грозитъ лишь все населеніе самостоятельнаго хозяйства, но взамѣнъ дать ему работу на фабрикахъ не въ состояніи: лишь небольшая часть раззорившихся крестьянъ найдетъ себѣ тамъ занятія, масса же должна эмигрировать, чтобы устроиться самостоятельно въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Поэтому слѣдуетъ принять за вѣроятное, что не каждый народъ обязанъ неизбѣжно пройти капиталистическій фазисъ въ развитіи своей промышленности, что въ молодыхъ странахъ капиталистическое производство тщетно будетъ стараться занять то положеніе, какого оно достигло въ странахъ классическаго капитализма, а социализация труда, если она неизбѣжна, произойдетъ другимъ путемъ. Повидному, развитіе капитализма идетъ у насъ быстрыми шагами — за послѣдніе 20 лѣтъ появилось 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, возникло множество банковъ, началось поощреніе промышленности, особенно машиностроительной, завелось даже многочисленныя стачки. Но все это не болѣе, какъ видъ. За желѣзными дорогами казна считаетъ около 1 миллиарда долгу, банки захватили долгами громадную массу имѣній и всѣ кричатъ о дороговизнѣ труда въ Россіи и о необходимости упраздненія общины. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ приводитъ таблицу, показывающую исторію развитія русскихъ фабрикъ и заводовъ, необложившихъ акци-

зомъ. Хотя авторъ, повидному, считаетъ эту таблицу очень важною для доказательства медленнаго хода капитализма въ Россіи и при этомъ въ особенности основывается на цифрѣ за 1866 годъ (взятой имъ изъ «Вѣстника Европы», 1870, 7), говоря, что она показываетъ увеличеніе фабричнаго оборота, вслѣдствіе свободнаго ввоза машинъ, тогда какъ число рабочихъ уменьшилось, но мы должны замѣтить, что эта цифра совершенно невѣрна. Дѣло въ томъ, что всѣ остальные данныя приводимой авторомъ таблицы содержатся въ томъ же видѣ, какъ у автора, въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» 1870 г., стр. 318, но противъ 1866 г., гдѣ у автора стоятъ цифры изъ «Вѣстника Европы» (фабрикъ—16,451, рабочихъ 393,371, сумма производства—342,910,000 р.), въ Военно-Статистическомъ Сборникѣ находятся совсѣмъ другія цифры, а именно, фабрикъ—84,944, рабочихъ 919,025, сумма производства 650,638,062, причемъ противъ этихъ цифръ стоитъ, что онѣ доставлены Центр. Статист. Комитетомъ. Къ этимъ даннымъ составителя Военно-Статист. Сборника дѣлаютъ слѣдующее важное примѣчаніе: «какъ видно, цифры этой таблицы, особенно послѣднія представляютъ чрезвычайныя колебанія; это объясняется совершенно различными приемами, по которымъ онѣ составлялись; до 1863 г., заводы, обложенные акцизомъ не входили въ счетъ. Въ 1863, 64 и 65 годахъ акцизное производство уже принималось въ счетъ, но для прочихъ производствъ основаніемъ исчисления служили преимущественно только свѣдѣнія М—ва финансовъ, доставляемые самими фабрикантами, показанія которыхъ, болѣею частью, не полны и ниже дѣйствительности. Только за 1866 г., благодаря стараніямъ Центр. Статист. Комитета, получается, наконецъ, болѣе точная и полная цифра». Какъ бы ни были фиктивны эти цифры, но, съ только что приведенной поправкой, онѣ говорятъ совсѣмъ не то, что выведено изъ нихъ авторомъ, который, между прочимъ, въ уменьшеніи числа рабочихъ въ 1866 году (въ дѣйствительности не существовавшихъ, какъ доказываетъ цифра Ц. Стат. Комитета) видитъ результатъ примѣненія новыхъ усовершенствованій! И еще авторъ находитъ, что нѣтъ ничего характеристичнѣе этихъ нискода негодныхъ статистическихъ данныхъ! Все это мы пишемъ совсѣмъ не для упрека автору, а чтобы наглядно показать, что русская промышленная статистика до сихъ поръ годна для всякаго другаго употребленія, кромѣ научнаго, для котораго она предназначена служить. Если, дажѣ, и есть нѣкоторыя тѣни истинны въ другой таблицѣ, приводимой авторомъ, изъ которой видно, что, несмотря на удвоеніе суммы производства на фабрикахъ съ 1851 по 1877 годъ, число рабочихъ скорѣе уменьшилось, нежелая увеличилось, то это обстоятельство нисколько не представляетъ характеристической черты русскаго капитализма, какъ думаетъ авторъ, а, напротивъ, въ точности повторяетъ развитіе капитализма западнаго. Особенно въ

Англіи было уже замѣчено и доказано гораздо меньшее возрастаніе числа рабочихъ, нежелая капитала и объема фабрикъ, и то же явленіе встрѣчается въ развитіи всемірнаго флота, объемъ котораго возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ число прислугъ. Явленіе это объясняется той основною тенденціею капитализма, что онъ стремится увеличивать постоянный капиталъ въ гораздо болѣе высокой прогрессіи, нежелая переменный, который оредѣляется числомъ рабочихъ, а потому авторъ напрасно говоритъ, что «цифровыя данныя, касающіяся крупной промышленности, приводятъ насъ къ заключенію, что въ послѣднее десятилѣтіе она близка къ абсолютному упадку». Цифры эти, насколько онѣ вѣрны, съ точностью повторяютъ исторію капиталистическаго развитія на западѣ и потому должны быть обсуждаемы въ томъ же смыслѣ.

Дальше авторъ показываетъ, какіе ничтожныя успѣхи сдѣлало русское машиностроеніе и сколь многихъ условій не достаетъ для надлежащаго развитія этого промысла въ Россіи: отсутствіе специализации производства, дороговизна сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, отсутствіе посевныхъ дорогъ, малое знакомство съ техникой, отсутствіе соперничества, недостатокъ мастеровъ, чуждаго рынка. Авторъ поэтому считаетъ безнадѣжнымъ будущее панное механическаго производства. Помощь правительства представляетъ только лишній безполезный расходъ, потому что она не сохраняетъ жизни этихъ мертворожденныхъ учрежденій. По совершенно справедливому мнѣнію автора, своею покровительственною политикою, Россія только множитъ у себя иностранныхъ капиталистовъ, такъ что можно думать, что они въ скорости совсѣмъ заполюнятъ страну.

Для успѣшнаго превращенія мелкаго ремесла въ капиталистическую мануфактуру, читаемъ мы далѣе въ «Судьбахъ русскаго капитализма», необходимо такъ называемое первоначальное накопленіе. Если бы накопили только сами ремесленники, то накопленіе шло бы крайне медленно. Такъ называемое первоначальное накопленіе въ западной Европѣ имѣло въ своемъ основаніи не производственные условія, часто даже вовсе не экономическія: завоеваніе одного народа другимъ, превращеніе свободнаго земледѣльца въ раба и крѣпостнаго, международная торговля компаніями, основанная на замаскированномъ грабежѣ и вымогательствѣ, ссуда денегъ подъ громадныя проценты. Молодая страна только искусственно можетъ достигнуть у себя развитія крупной промышленности, но за то послѣдняя всегда будетъ здѣсь гостемъ, привлеченнымъ почти насильно. Авторъ забываетъ упомянуть о чрезвычайно важномъ способѣ накопленія, свойственномъ исключительно Россіи, какъ древней, такъ и новой, именно о взяточничествѣ и казнокрадствѣ, при помощи котораго общинное и нераздѣльное имущество миллионы переводится въ частное имущество отдѣльныхъ лицъ и здѣсь служить источникомъ капитализма. Если бы можно было привести въ извѣстность цифру русскаго капитализма, составленныхъ такимъ образомъ, то они удивили бы своими размѣрами самую западную Европу.

Посмотримъ, говоритъ авторъ, какъ быст-

ро совершается капитализация русского кустарного промысла, какой опасности подвергается здесь мелкое самостоятельное хозяйство; слѣдует ли проиграть ему вѣчную память или можно надеяться, что есть еще время, чтобы повернуть процесс развития общественной формы труда на иной путь? Подвергнувъ внимательному разсмотрѣнію рядъ кустарныхъ промысловъ въ Московской губерніи, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ. Организация общественной формы труда въ кустарной промышленности совершается крайне медленно. Обогащеніе отдѣльныхъ промышленниковъ ведетъ лишь къ механическому расширенію ихъ производства, но не къ дальнѣйшему развитію мануфактуры, вслѣдствіе чего такая концентрація производства не лишается возможности существованія рядомъ мелкихъ мастерскихъ. Еще болѣе, въ исторіи кустарного промысла за послѣднія десятилѣтія гораздо яснѣе проявляется его декапитализація, чѣмъ сосредоточеніе производства: развитіе промысла въ мѣстности начинается образованіемъ крупныхъ заведеній, которыя потомъ распадаются на малыя. Въ основѣ такого направленія нашего кустарного промысла лежатъ, во первыхъ, общія международныя неблагоприятныя условія для развитія капитализма и, во вторыхъ, непорванная еще связь рабочаго населенія съ землею. И обратно, укрѣпляя послѣднюю, мы отнимаемъ у туземнаго капитализма теперешніе его устои, создаемъ возможность развитія общественной формы труда на артельныхъ началахъ. Весьма вѣроятно, что процессъ социализаціи труда артельнымъ путемъ пойдетъ быстрѣе, чѣмъ онъ шелъ подъ руководствомъ нашего капитализма: по крайней мѣрѣ, послѣдній показалъ очень мало стремленія пользоваться выгодами улучшеніи способностей производства и раздѣленія труда, а неблагоприятныя условія сбыта и дешевизна ручнаго труда объясняютъ такую инертность русскаго капиталиста. Артель же, помимо стремленія къ обогащенію, побуждается къ развитію производительности труда и другимъ мотивомъ, весьма естественнымъ желаніемъ сократить и облегчить свою работу; поэтому, и при неизмѣненномъ сбытѣ продукта, она можетъ все таки заботиться о введеніи различныхъ техническихъ усовершенствованій... Что касается до словъ автора относительно декапитализаціи кустарнаго промысла, то онъ правъ, по нашему мнѣнію, лишь на столько, что въ хаосѣ совершенно первобытнаго устройства кустарной промышленности можно подмѣтить всевозможныя скачки и направленія, между прочимъ, и декапитализацію. Но, на сколько намъ извѣстно положеніе кустарныхъ промысловъ въ Россіи, и на основаніи фактовъ, приводимыхъ самимъ авторомъ, они въ громадномъ большинствѣ случаевъ капитализированы уже въ томъ смыслѣ, что производимые ими продукты сбываются ими монополистамъ купцамъ, не говоря уже о томъ, что во многихъ случаяхъ, оставаясь дома, они работаютъ по матеріалу предпринимателя и въ сущности являются не самостоятельными ремесленниками, а батраками капитала. Если ко всему этому присоединить отвратительныя гигиеническія условія, при которыхъ совершается

работа въ отдѣльныхъ избахъ, страшное изнуреніе отъ продолжительной работы и тому подобныя прелести, и сравнить все это, конечно, не съ русской, а съ англійской, свѣтлой, чистой, просторной и хорошо вентилированной фабрикой и съ ея десятичасовой работой, — то, пожалуй, придемъ къ выводу, что живется лучше тамъ, гдѣ есть полный капитализмъ, нежели тамъ, гдѣ онъ еще прикрывается и маскируется, но уже знатно грабитъ условія существованія рабочихъ. Изъ превосходныхъ статей Абрамова въ послѣднихъ выпискахъ «Отеч. Записокъ» о фабрично-заводской жизни въ Россіи, читатель можетъ проверить эту истину еще съ большою ясностью на неопровержимой пизости и подлости русскихъ безконтрольных фабрикантовъ.

Ссылки автора на иностранную мелкую промышленность въ поддержаніе того предположенія, что она еще достаточно сильна и можетъ развиваться въ ассоціаціонномъ направленіи, мы считаемъ не весьма доказательными. Заграничные ремесленники прекрасно знаютъ, каково ихъ положеніе, и какъ мало помощи оказали имъ попытки къ ассоціаціи безъ капитала. Есть, конечно, и удачныя попытки, но, вообще говоря, ихъ можно назвать не болѣе, какъ каплей въ морѣ. Что касается, напр., швейцарской часовой промышленности и промышленности музыкальных коробокъ, то ее страшно подорвали въ послѣдніе годы американскія фабрики, въ которыхъ работаютъ, говорятъ, также швейцарцы. Положеніе тѣхъ швейцарскихъ земледѣльцевъ, которые занимаются также и промышленностью на дому или на фабрикѣ, неоднократно объявлялось крайне затруднительнымъ, и самое земледѣліе оказывалось болѣе выгоднымъ для капиталиста, создавая для него охладѣлый классъ рабочихъ, нежели для рабочаго. Сверхъ того, авторъ ссылается на прусскую перепись 1875 года въ доказательство того, что число рабочихъ въ мелкой промышленности перевѣсило около трехъ съ половиною разъ (2.791.022 и 826.486) число рабочихъ, падающихъ себѣ занятія въ промышленности крупной. Цифры эти были бы дѣйствительно довольно внушительны для обнаруженія сравнительнаго значенія ремесла, если бы только не было въ нѣмецкой печати указаній, что громадное большинство этихъ мелкихъ ремесленниковъ, хотя и работаютъ дома, но состоятъ въ наймѣ у фабрикантовъ.

Переходя къ земледѣлію и къ землеуладѣнію, авторъ вѣрными чертами изображаетъ господствующее раззореніе помѣщичьихъ хозяйствъ, уменьшеніе помѣщичьихъ запасовъ, сдачу земли крестьянамъ или прямо или чрезъ посредство крупныхъ арендаторовъ кулаковъ и хищническое хозяйство, ведемое этими послѣдними. Авторъ приходитъ къ выводу, что, хотя цѣнность и доходы съ земли повсюду возвысились, но прочнаго вступленія въ капиталистическую фазу еще не замѣтно и здѣсь. Нигдѣ почти не замѣчается введенія интенсивной земледѣльческой системы, повсюду господствуетъ еще система экстенсивная. Улучшенія почти нигдѣ не касаются увеличенія производительности почвы, а лишь операціи надъ выросшимъ хлѣбомъ, — жатвенныя и молотильныя машины, а не плуги и одобреніе, — вслѣдствіе дороговизны

рабочихъ, особенно во время жатвы. Земля, состоящая довольно продолжительно въ рукахъ купцовъ, все же обращается легче, нежели въ рукахъ помѣщичьихъ и крестьянъ (въ Московской губ. первая переходитъ изъ рукъ въ руки разъ въ 17 лѣтъ, вторая разъ въ 28, третья разъ въ 29). Купцы, подобно помѣщикамъ, запускаютъ пашню, хозяйства не ведутъ, имѣнія запускаютъ подъ лѣса. Лѣса имъ нужны для продажи, земли потомъ сбывается, какъ ненужная болѣе. Рациональныхъ хозяйствъ повсюду встрѣчается весьма мало. Вообще говоря, въ области земледѣлія въ Россіи произошло полное раззореніе. Еврей, полякъ, грекъ, армянинъ, русскій, по общественному значенію кулакъ, аферистъ, эксплуататоръ, стремящійся лишь къ быстрой наживѣ и преслѣдуемый еще сегодня въ области земледѣлія, завтра за прилавкомъ кабака, а послѣ завтра, можетъ быть, въ обществѣ червонныхъ валетовъ; вотъ кто сдѣлался руководителемъ современнаго крупнаго земледѣлія, вотъ кого выдвинули на арену хозяйствованія совмѣстныя усилія патентованной интеллигенціи и вліятельныхъ дѣятелей. Обезземеленіе крестьянъ могло бы служить цѣлямъ капитализма, но въ дѣйствительности служить имъ мало. Въ частности Псковская губ. представляетъ намъ примѣръ слабого и даже обратнаго развитія капиталистическаго хозяйства; задача помѣщика, вмѣсто организаціи общественной формы труда и рациональнаго земледѣлія, сводится на вымогательство наибольшей ренты. Ближайшею причиною такого явленія служитъ недостатокъ рабочихъ, — и это въ то время, когда крестьяне массами бросаютъ землю и ищутъ наемнаго заработка. Не очевидно ли, что для развитія капиталистическаго производства не достаточно капитала и рабочихъ, нужна среда, благоприятная для ихъ химическаго соединенія, а не для механической только смѣси, и исключаящая пародную промышленность. Новое противорѣчіе русскаго капитализма состоитъ въ томъ, что хорошаго рабочаго можно найти только среди запятанныхъ крестьянъ, а такіе являются исключительно «вслѣдствіе временнаго затрудненія». Господствующія повсюду въ Россіи жалобы на недостатокъ капитала нелѣпы въ виду громадныхъ банковыхъ ссудъ, которыя идутъ однако не на дѣло. Но за то кредитъ дорогъ и процентовъ, платимыхъ по занимаемымъ капиталамъ (7½ — 10%), земледѣліе оплачивать не можетъ. Всѣмъ извѣстно, далѣе, что нашъ крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ ниже его стоимости, и это обстоятельство не можетъ не отражаться на цѣнѣ помѣщичьяго хлѣба. Помѣщичьи хозяйства давно уже переживаютъ кризисъ, котораго они выпести не въ силахъ и который ведетъ ихъ къ гибели; нашему вывозу зерна, благодаря конкуренціи Америки, какъ видно, предстоитъ близкій капутъ, таковой же послѣдуетъ и помѣщичьему хозяйству.

Такимъ образомъ, центръ тяжести нашего промышленнаго строя долженъ заключаться въ мелкомъ, пародномъ производствѣ. Крупное еще долго будетъ играть въ нашей жизни крайне подчиненную роль, какую, впрочемъ, въ дѣйствительности оно всегда играло; но до сихъ поръ мы усиливались поставить

его на первый план, ради чего согласны были даже пожертвовать материальным обеспечением народа; тогда же оно и в сознательных мероприятиях общества, займет место, подобающее его действительному значению. Будем надеяться, что именно Россия есть та страна (?), которая послужит капиталу образцом при его реорганизационной работе, что ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, если уже ей не суждено бороться за свободу.

Народное производство поднимает голову не в одной России, исторические условия стесняют свободный полет капитализма повсюду. Если хотите, одна Англия может быть названа страной чистого капитализма; в Америке в руках крупного капиталиста находится фабричная промышленность, земля же в большинстве случаев обрабатывается самими ее владельцами. Во Франции мелкое землевладение не только благополучно существует, но и стесняет крупный хозяйства: фермеры жалуются на недостаток рабочих (которые от хорошего житья бегут толпами в города), не смотря на периодический наплыв их из Бельгии, Испании, Пьемонта и на возрастающее употребление машин (от чего то и уходят рабочие). Рабочий, зная, что в нем нуждаются, держит себя независимо, не выносит ни малейшего замечания и то и дело грозит бросить работу. Это отбивает у капиталиста охоту посвящать свои труды и средства сельско-хозяйственной деятельности, многие фермы остаются незанятыми и аренда платится. Французские исследователи приписывают все это (и справедливо) тому обстоятельству, что количество сельских рабочих с течением времени уменьшается, отчасти вследствие превращения их в мелких землевладельцев, отчасти через отлив на фабрику. Что касается последней причины, то автор не имеет оснований усомниться в ее реальности (напрасно!). Если бы часть землевладельцев отвлекалась фабриками, то приращение этого класса во времени происходило бы более медленно, чем развивается все население. Но мы замечаем совсѣм противоположное явление, дающее нам право сказать, что самостоятельное занятие земледелием обладает сильнейшей притягательной силой, чем насмешливые формы труда, и что, след., капиталистическое производство во Франции достигло, повидимому, наивысшей ступени (?), доступной ему по условиям места и времени, и отныне ему предстоит, быть может, только интенсивно увеличивать производительность труда, но не привлекать на фабрики новых рабочих. Именно, есть основания предполагать, что там уже происходит обратное движение к самостоятельному земледельческому и неземледельческому состоянию *). Так, во первых, в промежутки 1872—76 годов ежегодное приращение 35 миллионного населения Франции — было 0.54%, земледельческий же класс за это время возрос на 0.6% в

год. След. земледельческий класс возрос на 11% (?) быстрее всего населения, что может совершаться на счет других классов. Во вторых, самое возрастание промышленного класса еще не означает распространения крупного производства: в последнее время в Париже все больше развивается мелкая промышленность высшего порядка (гравирование на стали, живопись на фарфоре, изделия из черепашки, слоновой кости, сафьяна, соломки, шерсти и т. п. *). Как видно, продукты мертвой машины так пресытили рынок, что нарождающемуся населению идти больше места на фабрике, и ему приходится устраниваться в нее, в области ручного труда, для чего он старается прельстить потребителя хитростью своих произведений.

Новый путь внутри страны ведет и к новой системе международной экономической политики. Затруднения, которые с течением времени будут все больше и больше испытывать всемирная торговля, благодаря постоянно развивающейся конкуренции, происходящей от привлечения к промышленному прогрессу большого числа стран, — приводят к необходимости организовать производство таким образом, чтобы оно служило по преимуществу для удовлетворения потребностей собственного населения. А это в свою очередь сдѣлается возможно, если население будет богато, и производство, освободившись от оков капитализма, перейдет всецело в руки рабочих.

Не смотря на блѣдность своего очерка, автор считает выясненным достаточно, что кустарная промышленность сокращается относительно, между тем как капиталистическая сокращается абсолютно; в первом случае мы имеем, как общее правило, такое быстрое расширение производства по числу занятых рук и по количеству поставленных на рынок товаров, что оно перерастает спрос и потому ведет к понижению дохода кустарей, становится недостаточным в сравнении с нуждой народа в заработке; в области же капиталистической промышленности мы видим сокращение, как в числѣ рабочих, так и в количествѣ произведенных товаров (?). Т. е., тогда как мелкое производство чрезвычайно быстро распространяется вперед, крупное клонится к упадку (?). Это противоречие между жизнью и теорией, такое несходство явлений, совершающихся в России, с имѣвшим место в Европѣ в то время, когда она переживала период, в который, предполагается, вступила только теперь Россия, период водворения капиталистической промышленности или общественной организации труда капиталом, — противоречие это находит себе объяснение в том факте, что мы неправильно (?) воспользовались методами исследования общественной жизни, частное явление (!) приняли за общий социологический закон. Наука подметила в истории смѣну одних

форм промышленности другими, причем каждая последующая отличается от предыдущей большею производительностью труда, развитием его общественной организации и возрастающей капитализацией производства. Обратив все внимание только на эти стороны процесса, не различив их на главные и второстепенные и притом игнорируя его отрицательные влияния (на здоровье и благосостояние рабочих), политико-экономика нашедшую им конкретную (?) форму промышленного прогресса возвели в абстрактный общезначимый закон. Между тем, для всякого не предвзвѣденнаго ума ясно, что формула западно-европейского промышленного развития состоит не из разнозначащих элементов, что развитие производительности труда есть основное явление и притом единственное, которое, по нашим понятиям о прогрессѣ, может быть признано за обязательное для всякой развивающейся страны, что комбинация мелких мастерских в одну крупную промышленную единицу, а тем паче участие в этом процессе капитала есть лишь одно из орудий прогресса, и потому должно быть признано за второстепенное явление, получившее однако такое выдающееся значение на западѣ только благодаря тому, что весь процесс совершался под руководством капитала, верховный принцип которого, возрастание прибавочной стоимости, требовало развития общественной формы труда (или что то же, образования крупных мастерских) во чтобы то ни стало, не обращая внимания на происходящий от этого вред для рабочего, принося физическое и нравственное его благосостояние в жертву своему мамону. Уже одно противоречие цѣлей общественного прогресса (поднятие физического, умственного и нравственного состояния людей) с теми задачами, которые он стал преслѣдовать под руководством капитала, и теми послѣствиями, которыми произошли оттого для рабочего, это превращение верховной цѣли общества в средство для процветания производства, уже одно это должно было навести исследователей на мысль, что капиталистический способ развития производительности труда есть ненормальный (вот что называется по немецки: «das Kind mit dem Bade ausschütten!»), противоречащий задачам общества, и что поэтому не могут быть признаны правильными и те приемы, которые он употреблял для достижения цѣли, — игравшее выдающуюся роль скучение производителей в больших мастерских (?), фабрик и мастерских в города, а также стремление производства далеко расширяться за предѣлы внутренних потребностей в его продуктах, подчинять себе экономически чуждые народы и т. п. Словом, оказывается, что формула общественного прогресса, применявшаяся в Европѣ при посредствѣ капитала, есть только одна из форм этого прогресса, а не *conditio sine qua non* экономического развития страны. Общественная форма труда может быть еще достигнута, при необходимости в ней, артельным и правительственным путем. Все это должно считаться для России не поражением, а благоприятным признаком.

*) В действительности верно совершенно противоположное явление: городское население возрастает на счет сельского с каждым годом все больше и больше.

*) Т. е. все без исключения по части предметов роскоши для всемирного рынка; отсюда нельзя дѣлать вывода относительно общей организации французской промышленности, которая, напротив, непрерывно возрастает в размѣрах.

Статья наша до того удлинилась, что, приводя к окончанию обзор главнейших мыслей и способов доказательства автора, мы можем лишь в кратких чертах высказать пункты нашего согласия и несогласия с ним. С полным уважением к искренности стремлений автора, мы все таки должны заметить, что он по временам чересчур увлекается в своих выводах и ставит положения, не могущия выдержать строгой критики. Прежде всего заметим, что из презрительной ненависти к капитализму, автор преувеличивает даже значение абсолютной власти в России и одаряет ее такими добродетелями и прочностью, в которых она вовсе не виновна. Чтобы, следуя автору, нынешнее государственное устройство России было исключительно возможно еще надолго, в это уже не вбить в настоящее время даже сама самодержавная власть. О скором изменении формы правления в России в настоящее время уже «die Späße von der Döcher pfeiffen», чтобы можно было в нем сомневаться. И при том прошло уже то время, когда подобное изменение могло бы считаться добровольным даром, который можно в любую минуту взять назад. Спрашивается, какие же обстоятельства привели Россию к подобному положению вещей? Ничто иное, как общее развитие цивилизации, в котором осложнение общественной организации, распад страны на города и села, расчленение народа на отдельные классы, влияние капиталистической Европы играло громадную и неоспоримую роль. И в самом деле, не будь у нас в настоящее время все возрастающих больших городов с их сосредоточением населения, облегчаемых железными дорогами, с их наукою и умственной жизнью, с их более или менее европейскою культурою, и мы были бы по прежнему в том же положении, в каком находилась Россия при Иоанне Грозном. Нужно было, следовательно, чтобы старые общинные порядки хозяйства, при которых каждая община жила вполне самостоятельно и изолированною жизнью, и потому естественно развивалась над собою тиранию чиновников и царя, несколько изменились, подались и уступили дорогу более сложной, более запутанной, но за то и более цивилизованной организации. Отсюда, между прочим, следует то, что никакая односторонность при изучении исторических движений не приводит к истине, что такая универсальная учреждения, как общинная, с одной стороны, и капиталистическая, с другой, властвующие в свое время двумя миром, не могут рассматриваться только с дурной или с хорошей своей стороны, а должны быть изучаемы со всеми своими недостатками и достоинствами, чтобы дать возможность воздействием на практику уменьшить первые и увеличить последние. Община и артель обеспечивают существование народа и предупреждают развитие пролетариата на известной ступени своего развития, но они же молятся, как бог, самодержавному правителю и тем фатально и безвозвратно делают его тираном над собою. Мы ни в

каком случае, напр., не можем разделять мнение автора, что русское правительство желает искренно бороться с кулаками, когда оно то самое и есть архи-кулак. Довольно напомнить о том, что ни в какой капиталистической стране не разбирается на добрую волю гг. фабрикантов предавать своих рабочих всевозможным мучительствам, как в России, где они до сих пор не ограждены от совершенно скотской жизни никаким законодательством. В чьих же интересах делает все это наше русское правительство, как не в интересах кулаков? С другой стороны, капитализм расчленяет на классы народа всего мира, ведет к обогащению одних классов и к разорению других, порождает в обществе крайний эгоизм, подрывает здоровье рабочего класса, — по в то же время безмерно ослабляет политическую власть, связует в одно целое рабочие классы всех народов, социализирует производство и потребление, вводит фабричное законодательство, čím облегчает наносимое рабочим зло, и все же делает в пользу окончательного мира больше, čím все предыдущий ступени развития на земл. Предложимому самому последнему европейскому наемному рабочему с его умственным миром и сознанием своих человеческих прав, помнится мстами с каким-то хитрым русским кулаком, который, при всей своей самостоятельности, все же раб, он обидится на вас за такое предложение. Отсюда, в свою очередь, следует, что капиталистическое движение не есть частное и второстепенное явление, как утверждает автор, а, напротив, универсальное, встречающееся во всяком обществе на известной ступени его развития, если только состоять на пути известия условия существования. Начинаясь он, собственно говоря, тогда, когда первый город отделился от деревни, когда впервые возникают общественные классы. Все дальнейшее его развитие и несомненное будущее преобразование представляют только последствия его первых начал. Что в России он не разовьется до конца, это совершенно верно, но вовсе не вследствие частности своего характера, а потому, что придет раньше к окончанию в других странах. Противодвиствовать вредным последствиям капитализма следует, по думать о полном его упразднении, пока он не упразднится сам, значит, думать поднять самого себя за волосы.

п. с.

ДВА КОНГРЕССА СОЦИАЛИСТОВЪ.

(Продолжение)

В программе французской «рабочей партии», — в том виде, — не трудно заметить весьма существенные пробелы, противоречия и даже утверждения, по нашему мнению, не всегда согласующиеся с фактами и не всегда выдерживающие безпристрастной критики. Некоторым положениям, справедливым лишь весьма относительно и условно, придано слишком абсолютное значение; другие, органически вытекающие из пред-

шествующих посылок, упомянуты лишь вскользь, недостаточно освещены и недостаточно резко поставлены.

Мы думаем, что все эти недостатки программы в значительной мере объясняются переходным состоянием, в котором теперь находится партия. Переход этот, конечно, весьма труден, как в идейном, так и в тактическом отношении, и сразу завершиться не может. Легко ли после стольких лет слепой веры в тезисы социально-революционного катехизиса усвоить себе научно-критические приемы мышления? А сделать это необходимо, раз сознано, что только эти приемы надежны и плодотворны, и раз сами социалисты, отказавшись от старых метафизических способов разсуждения и оставив свою прежнюю, так сказать, сантиментальную точку зрения, признают социализм научным вопросом. И легко ли сразу говорить ясно и определенно о корпоративных конгрессах и о необходимости организации корпоративных рабочих союзов людям, воспитанным в идеях, что вид баррикады, вид чисто боевой организации пролетариата (и не в экономическом, а прямо в военном смысле этого слова) есть и не может быть ничем, кроме реакции, кроме измены делу народа и социализма?

Один стачки, сами по себе, не могут служить средством избавления пролетариата от того состояния рабства и нужды, в которое он поставлен современным капиталистическим обществом. Это несомненно. Универсальных панацей вообще нет. К сожалению, нет такого средства, которое одно могло бы вылечить все наши социальные недуги (что значительно облегчило бы сложную задачу лечения); к сожалению, и баррикады, динамит и проч. — не панацея: сами по себе они тоже не в силах освободить пролетариат и осуществить идеалы социализма. Но будто-бы (как почти единогласно признали делегаты на конгрессе) стачка так уж и «не может служить средством материального улучшения положения рабочих и на нее нужно смотреть только как на превосходное орудие социально-революционной пропаганды»? Если первая часть этого положения была бы справедлива, то разве вторая часть его не была бы, по меньшей мере, парадоксом? Если стачка не может доставить никаких материальных выгод, если она явление действительно «антиэкономическое» (так, если мы не ошибаемся, выразился Варлен на одном из конгрессов Интернационала), напосающее только вред промышленности, то почему рабочие упорно продолжают делать стачки всюду, где только могут, и делают их в большинстве случаев вовсе не в видах социализма, не для скорейшего разрушения существующего капиталистического строя путем промышленных кризисов, не для облегчения социально-революционной пропаганды, а именно для улучшения своего материального положения? Далее, будто «всякое повышение заработной платы скоро уравновешивается соответственным увеличением цен на продукты первой необходи-

мости», так что «непосредственной цѣлью стачекъ должно скорѣе быть уменьшеніе часовъ работы, чѣмъ повышеніе заработной платы»? Развѣ уменьшеніе часовъ работы, т. е. уменьшеніе количества мышечнаго труда и увеличеніе числа часовъ отдыха и досуга, не есть (помимо его превосходныхъ нравственныхъ послѣдствій) также матеріальный результатъ и своего рода повышеніе заработной платы? Вѣдь если рабочіе получаютъ ту же плату за меньшее количество труда, то развѣ — по старой, абстрактной теоріи — это не должно также повести къ повышенію цѣнъ на продукты перной необходимости? Положимъ, извѣстный фабрикантъ-филантропъ, Дольфусъ (который по собственному побужденію, въ видѣ опыта, уменьшилъ число часовъ поденной работы на своихъ фабрикахъ), утверждаетъ, будто, трудясь меньше, рабочіе трудятся добросовѣстнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ съ избыткомъ вознаграждаются уменьшеніемъ количества рабочаго времени. Но если это дѣйствительно такъ, то почему же, спрашивается, громадному большинству фабрикантовъ — которые въ странахъ цивилизованныхъ, съ развитой промышленностью вообще такъ охотно заводятъ у себя всякіе усовершенствованные приемы производства — почему этимъ фабрикантамъ никогда не приходитъ въ голову послѣдовать благоразумному примѣру Дольфуса? почему они обыкновенно противятся требованіямъ рабочихъ уменьшить число часовъ поденной работы и всѣми силами стараются, чтобъ это число было какъ можно больше? Наконецъ, признавъ пользу стачекъ (съ «соціально-революціонной» точки зрѣнія), признавъ необходимость поддерживать ихъ, по возможности, регламентировать ихъ, признавъ, съ другой стороны, что эта поддержка и регламентація возможны только при существованіи могущественной корпоративной организаціи рабочихъ — делегаты конгресса пришли къ совершенно основательному заключенію о необходимости приняться самымъ энергичнымъ образомъ за такую организацію; но тутъ же, какъ бы убоявшись, что это заключеніе, сдѣланное безъ всякой оговорки, придется не по вкусу публикѣ и покажется ей измѣной соціалистическому знамени, они поспѣшили прибавить, что, безъ сомнѣнія, нужно всегда стараться придавать корпоративной организаціи и корпоративнымъ конгрессамъ «соціалистическій характеръ, преобладающій въ соціалистической французской рабочей партіи». Конечно, пропаганду теоретическихъ принциповъ соціализма вести можно, и должно; но неужели она составляетъ *conditio sine qua non*, безъ которой всякая дѣятельность на поприщѣ корпоративной организаціи рабочихъ бесполезна для соціализма? Еслибъ соціализмъ былъ только вопросомъ чувствъ или продуктомъ кабинетныхъ измышленій какихъ нибудь Оуеновъ и Сент-Симоновъ — экзотическимъ растеніемъ, которое можно культивировать лишь искусственно при тепличной обстановкѣ — тогда, дѣйствительно, все свелось бы къ пропагандѣ извѣстной *profession de foi*. Но соціализмъ неизбѣжное послѣдствіе всего нашего экономическаго строя; къ нему роковымъ образомъ ведетъ эволюція капитали-

стическаго производства, такъ что достаточно дѣйствовать въ смыслѣ этой эволюціи и съ точки зрѣнія матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ рабочихъ, какъ сословія (и не только отдаленныхъ, но и ближайшихъ интересовъ), чтобъ дѣйствовать на пользу соціализма. Такимъ образомъ, главную цѣль партій, назвавшей себя «рабочей партіей», должна составлять не столько пропаганда своихъ соціально-революціонныхъ теорій, которыя, какъ это сплошь и рядомъ случается, часто оказываются ошибочными, хотя бы въ частностяхъ, но именно — организація рабочихъ, какъ сословія, — организація совершенно самостоятельная, въ родѣ той, блестящимъ примѣромъ которой могутъ служить англійскіе *trades-unions*. Такая организація рано или поздно, и въ силу самихъ обстоятельствъ, должна неизбѣжно сдѣлаться соціалистической, хотя весьма возможно, что характеръ этого соціализма окажется и не такимъ, какой теперь «преобладаетъ въ соціалистической французской рабочей партіи»...

Къ числу излюбленныхъ аргументовъ, приводимыхъ буржуазными экономистами противъ всякой коалиціи, нѣющей цѣлью увеличить заработокъ или вообще улучшить такъ или иначе матеріальное положеніе рабочихъ, принадлежитъ, между прочимъ, и пресловутая теорія прямой зависимости цѣнъ на товары отъ размѣра заработной платы. Этой-то теоріи страннымъ образомъ придерживаются и делегаты федераціи центра, не смотря на то, что въ настоящее время можетъ считаться доказаннымъ, что она справедлива далеко не во всѣхъ случаяхъ. Когда заработная плата повышается, — такъ говорятъ буржуазные экономисты, — тогда пропорціонально повышается и цѣна на соответственные продукты, тогда и въ другихъ производствахъ рабочіе должны добиваться увеличенія заработной платы, такъ что подъ конецъ положеніе всего рабочаго класса оказывается совершенно такимъ же, какимъ оно было прежде. А отсюда выводится такая мораль: самое лучшее, что могутъ сдѣлать рабочіе, это совсѣмъ не заботиться о размѣрахъ заработной платы и спокойно себѣ жить со дня на день — капиталистическое провидѣніе само-де все уладитъ.

Разсмотримъ этотъ интересный вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Мѣновая стоимость или цѣна всякаго товара распадается на три части: на часть, представляющую стоимость сыраго матеріала и порчи машинъ и инструментовъ, употребляемыхъ для производства; на заработную плату и на барышъ капиталиста. Еслибъ цѣна товаровъ опредѣлялась не двумя факторами — заработной платой и барышомъ капиталиста — находящимися другъ къ другу въ прямомъ антагонизмѣ, еслибъ, напр., рабочій всегда работалъ не на капиталиста, а на самого себя, то, пожалуй, увеличеніе или уменьшеніе стоимости человѣческаго труда могло бы тогда прямо и пропорціонально вліять на цѣну товаровъ. Но при капиталистическомъ производствѣ повышеніе заработной платы не всегда измѣняетъ цѣну товаровъ, а часто только уменьшаютъ барышъ капиталиста. Какъ только рабочіе

потребуется увеличенія заработной платы, фабриканты начинаютъ обыкновенно плакаться и увѣрять, что они раззорятся, что имъ приходится закрыть фабрику и проч. Къ чему все эти іереміады, если фабриканты дѣйствительно могутъ увеличивать по произволу цѣну товаровъ и тѣмъ уравнивать потери, наносимыя имъ повышеніемъ заработной платой? Чтобъ закрыть ротъ экономистамъ, утверждающимъ, будто увеличеніе заработной платы всегда влечетъ за собой увеличеніе цѣнъ на товары, достаточно указать, напр., на Англію, гдѣ существуетъ самая высокая заработная плата въ Европѣ и гдѣ цѣны на товаръ самыя низкія.

Такъ какъ цѣна товаровъ не зависитъ отъ произвола фабриканта, то этотъ послѣдній принужденъ изыскивать другіе способы вознаграждать себя за убытки, понесенные имъ отъ повышенія заработной платы, и ему остается для этого только одно средство — усовершенствованіе своихъ машинъ и способовъ производства. Вотъ почему повышеніе заработной платы, вмѣсто увеличенія цѣнъ на товары, часто можетъ вести къ удешевленію послѣднихъ.

Не пужно забывать, что многія разсужденія экономистовъ, справедливыя по отношенію ко всемірному рынку, на которомъ царствуетъ самая полная и свободная конкуренція, оказываются несостоятельными въ примѣненіи ихъ къ рынку ограниченному, изолированному, на которомъ конкуренція ограничена монополей, обычаями и разными другими стѣсненіями экономической свободы. Но какъ разъ въ такомъ положеніи ограниченного, изолированнаго рынка и находится большею частью рынокъ труда.

На ограниченномъ, изолированномъ рынкѣ и на рынкѣ всемірномъ, гдѣ конкуренція вполне свободна, цѣна всякаго товара опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но на первомъ рынкѣ цѣна, при которой совершится обмѣнъ, будетъ зависеть не только отъ количества, но и отъ относительной интенсивности обмѣна предложеній. Предположимъ, напримѣръ, что на какомъ нибудь рынкѣ находится извѣстное количество зерноваго хлѣба и извѣстная сумма денегъ, половина которой была бы достаточно для покупки всего хлѣба, и что вдругъ, вслѣдствіе осады города или блокады порта, рынокъ этотъ совершенно изолируется отъ остальнаго міра. Что произойдетъ въ такомъ случаѣ? Хотя количество хлѣба и денегъ отъ того ничуть не измѣнится, но хлѣбъ повысится въ цѣнѣ при первомъ извѣстнѣмъ объ осадѣ или блокадѣ, потому что интенсивность предложенія денегъ въ обмѣнъ на хлѣбъ внезапно возрастетъ, между тѣмъ какъ интенсивность предложенія хлѣба въ обмѣнъ на деньги, наоборотъ, уменьшится. Если осада вдругъ прекратится и рынокъ перестанетъ быть изолированнымъ, то цѣна на хлѣбъ быстро падетъ, даже если въ городъ не будетъ ввезено ни одного пуда хлѣба и изъ него не будетъ вывезено ни одной монеты.

Рабочій, торгующій своимъ трудомъ, отличается отъ обладателей другихъ товаровъ многими особенностями, дѣлающими его по-

ложение самым безпомощным, если только онъ остается одинокимъ въ ежедневной борьбѣ за существованіе. Рабочій бѣденъ; онъ постоянно находится въ томъ состояніи банкротства, въ которое фабриканты и продавцы другихъ товаровъ попадаютъ лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ; изолированный рабочий не можетъ, какъ это дѣлаютъ другіе торговцы, выжидать болѣе выгодныхъ условий для продажи своего товара. Если онъ не хочетъ умереть съ голоду, онъ долженъ, какъ можно скорѣе, найти себѣ какую нибудь работу и согласиться на всякія условія. Понятно, какъ велика интенсивность его предложенія работы и какое сильное вліяніе она должна оказывать въ смыслѣ уменьшенія заработной платы. Есть еще многія другія условія, тоже уменьшающія размѣръ заработной платы и содѣйствующія превращенію рынка труда въ замкнутый рынокъ. Такъ, напр., фабриканты и торговцы могутъ не вступать въ личныя сношенія съ покупателями; они могутъ посылать образчики своихъ товаровъ и самые товары на какія угодно разстоянія и пользоваться такимъ образомъ для сбыта всемірнымъ рынкомъ, между тѣмъ какъ рабочий, по недостатку средствъ, связей и знаній, болѣею частью прикрѣпленъ къ мѣсту, какъ среднесѣвковой крѣпостной крестьянинъ къ своей землѣ. «Изъ всѣхъ видовъ багажа человека всего труднѣе транспортировать», сказалъ отецъ политической экономіи, Адамъ Смитъ. Прибавимъ къ этому еще разные существенные законы, которыми нерѣдко ограничивается политическая, гражданская и экономическая свобода рабочаго, запрещеніе рабочихъ коалицій, существованіе коалицій патроновъ съ цѣлью еще большаго пониженія заработной платы и пр. — и мы тогда поймемъ всю раціональность стачекъ, выставлющихъ своимъ требованіемъ повышеніе заработной платы; поймемъ, почему такія стачки, когда онѣ оканчиваются побѣдой рабочихъ, вовсе не влекутъ за собою вздорожаніе товаровъ, а только увеличиваютъ благосостояніе рабочихъ и уменьшаютъ презрительныя барыши работодателей.

Авторы, трактующіе о «железномъ экономическомъ законѣ», отъ дѣйствія котораго заработная плата всегда стремится къ минимуму, необходимому для поддержанія жизни рабочихъ, обыкновенно упускаютъ изъ виду тотъ фактъ, что этотъ минимумъ не какая нибудь строго опредѣленная цифра, но колеблется въ довольно широкихъ предѣлахъ. Парижскій рабочий, зарабатывающій среднимъ числомъ франковъ 4—5 въ день и живущій значительно лучше, напр., средняго русскаго студента, и китайскій кули, трудящійся за самое ничтожное вознагражденіе и довольствующійся нѣсколькими горстями риса, одинаково подчинены тому же самому железнному экономическому закону. И тотъ и другой получаютъ только минимумъ, необходимый для поддержанія ихъ жизни, — но какая разница между этими минимумами? Дѣло въ томъ, что, какъ уже было сказано, железннымъ экономическимъ закономъ опредѣляется вовсе не одна неизмѣнная цифра заработка, а только два крайнихъ предѣла, ниже которыхъ заработ-

ная плата не можетъ опуститься и выше которыхъ она не можетъ подняться на сколько нибудь продолжительное время, именно: минимальная цифра заработной платы, а абсолютно необходимой для поддержанія жизни требуемаго числа рабочихъ, и максимальная цифра, выше которой заработная плата никакимъ образомъ не можетъ повыситься безъ того, чтобы не раззорить фабриканта или не принудить его отказаться отъ своего промышленнаго предпріятія. Всѣ же цифры, лежащія между этими двумя крайними предѣлами, возможны и осуществимы на практикѣ. Какая изъ этихъ возможныхъ цифръ сдѣлается заработной платой, дѣйствительно существующей въ данномъ случаѣ, — это вопросъ силы, рѣшающійся тѣми средствами, которыми располагаютъ работодатели и рабочіе въ борьбѣ другъ съ другомъ.

Мы видѣли, какъ безсиленъ одинокій рабочий, который на изолированномъ рынкѣ труда, — со своимъ интенсивнымъ предложеніемъ работы отдается на полный произволъ капиталиста. Но условія измѣняются, когда рабочимъ удается организовать сильную коалицію или стачку. Что такое стачка? Это просто соглашеніе, имѣющее цѣлью временно прекратить предложеніе товара-работы, чтобы поддержать или увеличить его цѣну. Легко понять, что стачка можетъ быть успѣшной только при соблюденіи слѣдующихъ двухъ условій: 1) если рабочіе имѣютъ возможность продолжать ее достаточно долгое время, чтобы нанести существенный ущербъ фабрикантамъ и принудить ихъ этимъ путемъ къ уступкамъ и 2) если фабриканты будутъ поставлены въ невозможность замѣнить стачкующихся рабочихъ другими рабочими изъ той-же самой мѣстности и страны или привезенными издалека, изъ-за границы. Понятно, что удовлетворить этимъ двумъ условіямъ возможно только, имѣя въ своемъ распоряженіи большія финансовыя средства и при существованіи сильной, корпоративной организаціи, охватывающей, если не всѣхъ, то весьма значительное число рабочихъ данной страны.

Пусть-же рабочіе организуются въ корпоративные, федерированные между собой союзы, и, если они располагаютъ достаточнымъ количествомъ денежныхъ средствъ и достаточнымъ числомъ союзниковъ, не взирая ни на какія доводы доктринеровъ, введенные дедуктивнымъ путемъ изъ абстрактныхъ теорій, смѣло дѣлаютъ стачки, требуя возможно большую плату за возможно меньшее количество труда.

Всѣ приведенныя нами соображенія не теорія, противопоставляемая другой теоріи и пуждающаяся въ проверкѣ фактами. Напротивъ, они выводъ изъ фактовъ, обобщеніе исторіи англійскихъ trades-unions, такъ обстоятельно изложенной въ известной книгѣ графа Парижскаго и въ превосходномъ сочиненіи Brentano, «Die Arbeitergilden der Gegenwart». Въ этихъ книгахъ можно найти массу примѣровъ (мы не приводимъ ихъ за недостаткомъ мѣста) повышенія заработной платы подъ вліяніемъ стачекъ, протдер-

жавшагося много лѣтъ къ великой матеріальной выгодѣ рабочихъ.

Англійскіе trades-unions часто упрекаютъ въ томъ, что они лишены социально-революціонныхъ тенденцій. Но, по нашему мнѣнію, упрекъ этотъ только тогда могъ бы имѣть значеніе, еслибы великой пользы, принесенной trades-unions'ами сословію рабочихъ своей страной, тѣ социально-революціонныя партіи, которыя до сихъ поръ оставались чуждыми экономической жизни народа, могли-бы противопоставить какія нибудь аналогичныя заслуги. Заслугъ этихъ тѣмъ болѣе можно бы требовать отъ упомянутыхъ партій, что до сихъ поръ имъ, какъ извѣстно, еще не удалось совершить насильственнаго экономического переворота, который онѣ обѣщаютъ все завтра да завтра....

A trades-unions несомнѣнно много сдѣлали для рабочихъ. Своими богатыми и превосходно организованными кассами взаимнаго вспоможенія, умѣлымъ собраніемъ необходимыхъ для рабочаго дѣловыхъ свѣдѣній и статистическихъ цифръ они сдѣлались настоящей биржей труда и дали каждому своему члену возможность пріискывать и выжидать, не боясь умереть съ голоду, наиболѣе выгодныхъ условий для продажи своей рабочей силы. Они облегчили отдѣльнымъ рабочимъ передвиженіе и переселеніе, давая имъ на это денежныя средства и служа посредниками между ними и фабрикантами. При помощи коалицій и стачекъ, они расширили рынокъ труда, увеличили заработную плату, сократили число часовъ работы и тѣмъ, въ значительной степени улучшили, матеріальное и нравственное положеніе своихъ членовъ. Есть основаніе думать, что на этомъ дѣятельность trades-unions'овъ не остановится, и что отъ коммерціализаціи труда они со временемъ перейдутъ къ социализаціи производства постепеннымъ ограниченіемъ власти и барышей фабрикантовъ и возрастающимъ участіемъ своимъ въ регламентаціи и выгодахъ промышленности.

Во всякомъ случаѣ trades-unions великое экономическое и историческое явленіе, крайне поучительное для социалистовъ, которые въ настоящее время болѣе или менѣе повсюду начинаютъ сознавать необходимость привлеченія къ себѣ массы рабочихъ участіемъ въ ближайшихъ ихъ интересахъ. Вотъ, почему корпоративная организація рабочихъ является животрепещущимъ вопросомъ дня и самой насущной задачей всякой социалистической партіи въ настоящее время. Но, дѣло это не легкое. Отъ такъ называемыхъ «вожаковъ» оно требуетъ много преданности и самоотверженія. Заниматься «социально-революціонной пропагандой», группировать адептовъ вокругъ «центра», издавать избирательные манифесты и засѣдать въ парламентѣ — конечно, несравненно занятнѣе, чѣмъ вести скромную и незамѣтную дѣятельность среди рабочихъ, требующую своего рода «хождения въ народъ».

(Окончаніе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

По поводу скоростной смерти генерала Скобелева «Gaulois» съ утѣренностью заявили, что генералъ самъ лишилъ себя жизни, вслѣдствіе обнаруженія участія его въ пикистическомъ заговорѣ, а г. Рошфоръ въ своей газетѣ выступилъ съ формальнымъ обвиненіемъ противъ русскаго правительства. «Михаилъ Скобелевъ, говорятъ онъ, умерщвленъ. Къ его вину примѣшали спотворенныя, а потомъ, когда онъ услышалъ, его задушили». По мнѣнію редактора газеты «Intransigeant», «предать генерала суду военнаго совѣта, значило бы напередъ рѣшить его оправданіе, которое было бы для него возобновленіемъ триумфа Марата, когда послѣдній выходилъ изъ революціоннаго трибунала». По этимъ соображеніямъ де, шуму публичнаго суда предпочли молчаніе четырехъ стѣнъ частной комнаты. Приходить же подобныя соображенія въ голову автору сенсационной утки на основаніи слѣдующихъ, имъ самимъ рассказываемыхъ, если не измышляемыхъ, «подробностей»:

«Со времени убійства Александра II образовалось въ Россіи охранительное сообщество, цѣль коего бороться съ сообществами революціонными тѣмъ же кровавыми средствами, къ которымъ послѣдніе обыкновенно прибѣгаютъ....

«Списки людей, считающихся опасными, и отъ которыхъ пужно было отдѣлаться при помощи всякаго орудія, составлены подъ наблюденіемъ руководящаго комитета изъ лицъ наиболѣе значительныхъ въ окруженіи Александра III. Эти списки, которые мы имѣли подъ рукою и которые намъ были переданы Вѣрою Засулччъ *) и ея друзьями, указывали убійцамъ, въ первомъ ряду, на нашего друга Краноткина», п. т. д.

Насколько генералъ Скобелевъ могъ вообще составлять «надежду» русскимъ революціонерамъ, лучше всего можно судить по слѣдующему отзыву о покойномъ М. Н. Каткова въ только что полученномъ нами № 175 «Московскихъ Вѣдомостей»:

«Лишившись полководца, мы лишились въ Скобелевѣ человѣка съ глубоко-патріотическимъ образомъ мыслей, просвѣщеннаго и дальновиднаго политика, горячо принимавшаго къ сердцу наши задачи на Востокѣ. Не задолго до смерти, Михаилъ Дмитриевичъ довѣрилъ намъ свои соображенія и замѣтки, а также планы, которыми онъ руководился въ своей блистательной Ахалтекинской экспедиціи. Мы не преминемъ сообщить изъ нихъ публикѣ все, что окажется удобнымъ».

Само собою разумѣется также, что если бы имя Скобелева было замѣнено въ какомъ бы то ни было заговорѣ, то этимъ именемъ не былъ бы названъ по высочайшему повелѣнію, на другой день смерти генерала, винтовкой корветъ «Витязь». Впрочемъ, бульварные забавники станутъ, пожалуй, утѣшать, что и г. Катковъ, и царь, убивши Скобелева, играютъ комедію!... Типографскій станокъ тоже безъ костей!

Намъ пишутъ: «Въ Петербургѣ теперь всѣ читаютъ извѣстную уже вамъ брошюру князя Орлова, въ которой онъ между прочимъ говоритъ: «Я думаю, что правительство руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ противъ религіозныхъ сектъ несправедливыми и пагубными теоріями. По моему

*) Еще въ прошломъ году, если помнитъ читатель, «Общее Дѣло» подняло шумъ изъ за мнимой опасности, угрожающей жизни нѣкоторыхъ эмигрантовъ, но тогда публикѣ не было указано источниковъ, откуда «Общее Дѣло» черпало свои свѣдѣнія.

мнѣнію, настоящіе враги государства — не сектанты, а агенты власти, безпощадно ихъ преслѣдовавшіе». Тамъ же, на французскомъ языкѣ, приводится слѣдующая цитата изъ свода законовъ: «Свобода вѣры дарована не только всѣмъ, принадлежащимъ къ какому либо христіанскому вѣроисповѣданію, но и евреямъ, мусульманамъ и язычникамъ, дабы всѣ народы, населяющіе Россію, славяны Всевышняго на своемъ родномъ языкѣ».

«Но гдѣ же въ нашей государственной практикѣ видимъ мы приложеніе закономъ признаннаго принципа свободы языка и вѣроисповѣданія?»

Нигдѣ, конечно! Но въ томъ то и состоитъ прерогатива самодержавія, чтобы законы страны не исполнялись.

Новости украинской литературы. Во Львовѣ вышла изъ печати I томъ «Шекспиревина творч. Зъ мови британською мовою українською, перекладавъ П. А. Кулінгъ. Отелло. Троїа та Кресида. Комедія помилокъ». Тамъ же въ приложеніи къ «Дѣлу» выходитъ «Поворічні дзвони», Диккенса, и поступило въ печать начало «Руско- (українсько) нѣмецкого словаря» пр. Евг. Желеховскаго. Въ Женеви вышла «Громада» т. V.

Польская цензура и москвофильское безстыдство. Намъ пишутъ изъ Львова, что тамошняя «Gazeta Lwowska» оповѣстила недавно о запрещеніи, наложенномъ мѣстнымъ судомъ на слѣдующія изданія г. Драгоманова: 1) Пові українські пісні про громадські справи, 2) Marija maty Isusowa, 3) Историческая Польша и великорусская демократія. Безцеремонность львовскаго суда доходитъ до того, что противъ послѣдней книги онъ выставилъ статью, запрещающую оскорбленія національностей!! Между тѣмъ, книга эта только несприятна для польскихъ шовинистовъ, какъ «Marija» для клерикаловъ. Запрещеніе же книги объ украинцахъ народныхъ нѣбесахъ есть запрещеніе историческихъ документовъ.

Это одинъ изъ примѣровъ того, какъ польскіе чиновники въ Галиціи отмѣчаютъ для украинцевъ дѣйствіе австрійской конституціи.

Интересно, что упомянутыя запрещенія объявлены были какъ разъ въ то время, — когда «Русь», по поводу процесса своихъ протестовъ (гг. Добрянскаго, Плонскаго и т. п.) — процесса, впрочемъ, также по несправедливымъ, — вострубила лишний разъ о солидарности «украинофиловъ» съ «польскою интригою», а «Новое Время» даже имѣло безстыдство заявить въ цѣлой передовой статьѣ о «походѣ на русскую народность» въ Галиціи, предпринятомъ г. Драгомановымъ кунно съ г. Кузинскимъ и польскими клерикалами и выразившемся, между прочимъ, въ изданіи одной поэмы Шевченки польскими буквами. (Это «Марія» поправилась клерикаламъ!!!) Не менѣе интересно, что въ то же время «москвофиль» г. Плонскій заявилъ на судѣ, что онъ, получая, какъ редакторъ «Слова», разные изданія изъ Женеви, отсылаетъ ихъ — въ (поль-

скую) полицію! А эта — въ судѣ, а судъ (польскій) налагаетъ на переданныя книги запрещеніе. А въ тоже время какой нибудь сотрудникъ г. Плонскаго пишетъ въ «Новое Время» или «Русь» корреспонденцію о солидарности украинцевъ съ польскою полицією! А Русь — Великая, Малая, Червоная и всякая — все это терпѣть!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Типографіи «Вольнаго Слова» продаются отдѣльными сброшюрованными изданіями:

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

за 1881 годъ, 20 №№.

Цѣна 10 франковъ.

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

за 1882 годъ, 16 №№.

Цѣна 8 франковъ.

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

О ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ въ Россіи.

М. Драгоманова.

(Отд. оттискъ изъ «Вольнаго Слова».)

Цѣна 50 сант.

Къ біографіи

А. И. ЖЕЛЯБОВА

М. Драгоманова.

(Отд. оттискъ изъ «Вольнаго Слова».)

Цѣна 50 сант.

Поступила въ продажу:

ГРОМАДА, українська збірка, впорядкована М. Драгомановимъ. № 5. Склад у Georg, Corratier, Genève. Заголовокъ: Од впродовж чина. — Дорога по Полтавщині в 1876. Я. Л. — Пѣсня про іпатію в Галичині. (Розвідка статистична). В. Навроцького. — Зісткі з України: Життя по селах: I. Здрітство. II. Темнота: А) Навчители: 1) Школа, 2) Церква, 3) Суд. Б) Темні люди. III. Усяке лихо в куні. IV. Марні надії: А) Виселки. Б) Мрії. V. Пробні повстання і товаришських порадків. — Козачкі спомини і громадські потреби в Кубанщині. — Українські громадині перед польскимъ соціалізмом і польскимъ патріотизмом. — Українські селяне в неспокійні роки (1880—1882). — Спожину помершого товариша, Володимира Навроцького.

Поступили въ печать:

УКРАЇНСЬКІ ПІСНІ ПРО ГРОМАДСЬКІ СПРАВИ XVIII—XIX в. Тетей з угами М. Драгоманова. Книга перша. Кінець Козаччини. Випуск перший: Запорозці під кримською протекцією. (1709—1734)